

Шмакодявка

новеллы, притчи, стихи

Сергей Бичуцкий

16+

Сергей Маркович Бичуцкий

Шмакодявка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279536

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои книги – простые люди, и их поступки, у одних, бесчеловечные и бессердечные, а у других, милосердные и порой даже жертвенные, являются отображением понимания, что такое добро и зло. Я не задумывался о том, чтобы как-то оправдать одних и осудить других. Если это, в конечном счёте так и получилось, то только по отношению к абсолютному злу.

Содержание

Врут, сволочи	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Шмакодявка	42
Глава 1	42
Глава 2	46
Глава 3	51
Глава 4	54
Глава 5	58
Глава 6	62
Глава 7	67
Человек человеку – волк	72
Глава 1	73
Глава 2	78
Глава 3	90
Глава 4	97
Глава 5	104

Глава 6	112
Глава 7	119
Глава 8	124
За козла ответишь	135
Клава	148
Мужик ты или нет	165

Врут, сволочи

Новелла

Глава 1

Жил на свете один не очень молодой человек по имени Игорь. Без особых планов на будущее, без каких-то стремлений, без несбыточных мечтаний, без семьи и детей, хотя уже разменял четвёртый десяток лет. Жил с родителями в двухкомнатной квартире, с младшими братом и сестрой, в тесноте и естественных неудобствах такого совместного существования пятерых взрослых людей. Надежд на что-то лучшее не было даже в перспективе, если не считать того, что двадцатилетняя сестра Аня собиралась замуж, что, по мнению остальной семьи, предполагало освобождение части жилой площади, хотя и этот вопрос находился ещё в стадии неопределённости, потому что избранник Ани тоже звёзд с неба не хватал: родителей олигархов у него по странному стечению обстоятельств не было, с жилплощадью такие же проблемы, а о зарплате так и вовсе лучше вслух не вспоминать. Любовь? Ну, если дело только в этом, то влюблённые должны понимать, что решать свои проблемы они должны сами, а не за счёт других. Любовь, как известно, требует жертв.

Посему, единственное, на что готовы были родные Ани, это помочь с организацией свадьбы. А дальше... всем сейчас непросто. Так что, замужество благословили, со свадьбой помогут, а дальше – успехов вам во всех ваших начинаниях. Это молодых, то ли по житейской неопытности, то ли по недалёковидности, то ли в связи с настоящим чувством, о котором сейчас почему-то не принято упоминать, совершенно не пугало. С милым и в шалаше – Рай. Так что радужные надежды семьи Игоря на скорое расставание с Аней, о котором, впрочем, пока вслух не говорили, вскоре должны были воплотиться в реальность. При этом совершенно неправильно было бы утверждать, что семья Игоря чем-то отличалась от миллионов таких же среднестатистических семей. Пьянством никто не страдал. Злобностью и склочностью характера тоже. Все, в меру своих душевных качеств, любили и уважали друг друга. Но, в их совместном существовании была одна весьма чувствительная проблема – они, мягко говоря, просто немного устали друг от друга.

Сам же наш герой, подававший и в детстве, и в юности, надежды на какое-то определённо успешное будущее, не оправдал их даже частично. Он легко и уверенно учился вплоть до старших классов. Отменная природная память и всевозможные таланты в самых разных областях жизнедеятельности совершенно дезориентировали его. Его увлечения и занятия менялись с калейдоскопической быстротой. Без усилий добиваясь каких-то первых незначительных успехов,

он тут же остывал и либо увлекался чем-то новым, либо просто балбесничал. Так он и прыгал по верхушкам, внешне – успешный и способный, внутренне – пустой и растерянный. Как и всякий, хоть сколько-нибудь одарённый недоросль в его возрасте, он совершенно искренне считал, что всё ему в жизни по силам; что он ещё успеет всё сделать, но потом, даже не обременяя себя мыслью о том, что же означает это «всё», и когда настанет это «потом»; что источник денег находится в родительском кошельке и он неистощим; что стоит ему только появиться где-нибудь в районе МГУ, и сам ректор выскочит ему на встречу, и будет умолять его стать студентом; что после учёбы (как будто он уже поступил и окончил) его немедленно пригласят в Академию Наук, а там – Нобелевская премия, всемирная известность и т. д. и т.п. И пока он оттачивал и полировал свои мечты о прекрасном будущем, не ударяя при этом палец о палец для их воплощения в жизнь, пришло время окончания школы, и вдруг выяснилось, что жизнь куда более прозаична и сурова, чем все его представления о ней. После окончания школы куда-то исчезло всеобщее обожание и восхищение его талантами и способностями, а в институте, куда он с огромным скрипом поступил, рядом с ним вдруг оказались те самые сверстники, которые по сравнению с ним считались серостью. А в дальнейшем они и вовсе оказались отличниками, доказательством чего были их красные дипломы. Эти метаморфозы почему-то никоим образом не заставили его задуматься о

причинах таких перемен. Он всё так же считал, что стоит ему только захотеть, и он немедленно всех их заткнёт за пояс. Но этого желания у него по какой-то ему неизвестной причине так и не появилось. Почему? А он и не задумывался об этом, хотя причина была до боли банальна – Игорёша был ленив. Просто ленив. И эта лень со временем стала убивать его таланты и способности. Мало – помалу, капелька за капелькой его таланты истекали из него и безвозвратно терялись где-то в просторах безбрежной вселенной. Ну что ж здесь поделаешь? Каждый – творец своего счастья. Или несчастья. Тут уж, кто что выбирает.

Окончив институт, он устроился мастером на стройку, с понятно какой зарплатой, которой ему, однако, хватало на безбедное существование, поскольку он лишь небольшую часть заработанных денег отдавал матери на питание, а оставшуюся сумму расходовал на свои нужды. Ему хватало, поскольку вместе с истекающими из него талантами, также безвозвратно истекали не только его устремления, но и какие-то желания вообще. Матушка лень беспощадна. Так бы вся их жизнь и продолжалась, если бы однажды вечером не прозвенел звонок в дверь. Открыла мама. Перед ней стоял солидно одетый седовласый мужчина преклонного возраста.

– Вам кого? – спросила она.

– Добрый вечер – сказал мужчина. – Простите за беспокойство. Я разыскиваю Игоря Валерьевича Телегина. Он здесь проживает?

– Здесь. – сказала, почему-то забеспокоившаяся Ирина Алексеевна. – А по какому поводу?

– По поводу весьма радостному. – успокоил её мужчина. – Вы позволите мне пройти и объяснить цель моего визита?

– Да, конечно. Проходите, пожалуйста. – Ирина Алексеевна отошла в сторону и пропустила гостя в квартиру. – Обувь лучше оставить в прихожей. Я, знаете ли, только сегодня помыла полы. Я вам тапочки дам.

– Весьма кстати. – согласился мужчина. – Целый день на ногах, а в моём возрасте такие нагрузки бесследно не проходят. Надев предложенные тапочки, он посмотрел на Ирину Алексеевну и, улыбнувшись, произнёс: – Позвольте представиться – Семён Семёнович Треухов. Адвокат.

– Очень приятно. Ирина Алексеевна. Мама Игоря. Да вы проходите в квартиру. – пригласила она Семёна Семёновича. – Присаживайтесь за стол, Семён Семёнович. Игорёши сейчас дома нет, но он с минуты на минуту должен подойти. Мы всегда ужинаем вместе. И у нас не принято опаздывать к столу.

– Весьма похвально. – одобрил Семён Семёнович. – Совместные трапезы – первый признак дружной семьи. – улыбнувшись, произнёс он.

– Спасибо, Семён Семёнович. – улыбнувшись в ответ, сказала Ирина Алексеевна. – Так что же всё-таки привело вас к нам? – спросила она.

– Наследство, Ирина Алексеевна.

– Наследство? – удивилась Ирина Алексеевна. – У нас вроде бы нет ни ближних, ни дальних родственников, обладающих хоть какими-то заметными богатствами.

– В завещании не указана степень родства. Указано лишь имя, фамилия наследника и точная дата и место его рождения. И хотелось бы сверить их прежде, чем придёт ваш сын, если вы, конечно, не против.

Семён Семёнович открыл папку, достал оттуда документ с именем и датой рождения наследника и протянул его Ирине Алексеевне.

– Всё правильно? – спросил он у неё.

– Да, Семён Семёнович. Всё правильно. – подтвердила она. – Паспорт Игорь всегда носит с собой. На всякий случай. Время сейчас такое, что без документов никак не обойтись. – будто оправдываясь, сказала Ирина Алексеевна. Звук открывающейся двери прервал её оправдание. – А вот и Игорь. – с облегчением произнесла она.

Через минуту появился и сам наш герой. Очень приятное, с ласковым выражением глаз лицо хотя и располагало к себе, но не скрывало и того, что его хозяин вряд ли был обладателем сильного характера.

– Добрый вечер. – поздоровался Игорь с присутствующими, улыбнувшись. – У нас гости? – Спросил он, обращаясь к матери.

– Здравствуй, сынок. – ответила на приветствие Ирина Алексеевна. – Скорее у тебя гость.

– Позвольте ещё раз представиться: Семён Семёнович Треухов – адвокат. – сказал, поднявшись со стула, гость. – Я посетил вас с целью предварительного оглашения завещания и документальной сверки указанных в завещании данных о наследнике. Позвольте ваш паспорт, Игорь Валерьевич.

Удивление отобразилось на лице Игоря. Он достал паспорт и протянул его адвокату. Адвокат, сверив данные паспорта с теми, что были в его бумагах, улыбнулся и с облегчением произнёс:

– Наконец-то! Всё в порядке. В завещании были указаны только имя, фамилия, место и дата рождения, но не было отчества. Так что пришлось изрядно потрудиться, прежде чем мы нашли истинного наследника. Хочу вам заметить, что ваш сын не единственный в России Игорь Телегин. Но такая дата и место рождения только у него. Так что могу вам предварительно огласить завещание. Официальное оглашение будет в нашем офисе через неделю. О точном времени я сообщу вам позднее, если не возражаете.

– Нет, конечно. – ответила за Игоря мать. – Давайте только дождёмся остальных членов семьи. Всем ведь интересно.

– Ирина Алексеевна! – устало и даже несколько укоризненно произнёс адвокат. – Я уже сказал, что официальное оглашение будет через неделю. Тогда все и ознакомятся с завещанием. Хотя заранее хочу вас предупредить, что оно касается только одного Игоря Валерьевича. Итак, Игорь Валерьевич, известный французский бизнесмен Шарль Круа-

зи, не имея ни близких, ни дальних родственников (мы с нашими французскими коллегами тщательно это проверили), завещал после своей смерти всё своё состояние, движимое и недвижимое, Вам. Его состояние в денежном эквиваленте на данный момент составляет порядка тридцати миллионов евро. Вступить в свои права Игорь Валерьевич может сразу же после официального оглашения завещания, так как мы разыскивали его в течение почти двух лет и все сроки, по истечении которых наследник может вступить в свои права, давно прошли. Это известие повергло Ирину Алексеевну и Игоря в шок.

– Шутите? – спросила Ирина Алексеевна после некоторой паузы.

– Никоим образом. – ответил Семён Семёнович. – Сумма, конечно, приблизительная, так как часть денег вложена в акции, и общая сумма определена, исходя из стоимости акций на данный момент. Хотя, в реальности она может быть несколько выше или ниже.

– Непонятно другое. – недоумённо произнесла Ирина Алексеевна. – Нам абсолютно незнаком этот человек. У нас никогда не было родственников за границей, поэтому совершенно непонятно, почему этот господин выбрал своим наследником моего сына. Тебе что-нибудь говорит это имя? – обратилась она к сыну. Игорь отрицательно покачал головой.

– Ирина Алексеевна. – вмешался Семён Семёнович. – Я ещё раз повторяю, что в завещании нет упоминания того, по

каким причинам эти средства должен унаследовать ваш сын. Только имя, фамилия, место и точная дата рождения.

И моя задача состоит в том, чтобы найти истинного наследника, огласить завещание и ввести его во владение наследством. Выяснение же причин, по которым тот или иной завещатель передаёт своё состояние в пользу какого-то лица, не входит в круг моих прямых обязанностей. Если для вас по каким-то причинам этот вопрос принципиально важен, то я мог бы попробовать удовлетворить ваше любопытство, но только после вступления Игоря Валерьевича в свои права. Скажу вам сразу, что услуга не из дешёвых, однако при таких деньгах, это, конечно же, пустяки.

Глава 2

Процедура оглашения завещания и введения в наследство сама по себе скучна и обыденна, и ничем не отличается от всех подобных процедур. В данном случае, куда важнее и интереснее мысли, чувства и ожидания людей, хоть каким-то образом причастных к этому наследству. Собравшиеся вечером все члены семьи, включая и будущего мужа Ани, с жаром обсуждали причину нежданно свалившегося на Игоря счастья, делая предположения одно невероятней другого. И, хотя никто и не произносил этого вслух, совершенно логично было бы предположить, что Игорь, на самом деле, приходится внебрачным сыном этому бизнесмену. Эта мысль почти одновременно пришла в голову всем членам семьи, кроме самого Игоря и Ирины Алексеевны. Игорю было попросту не до этих разбирательств, а относительно Ирины Алексеевны, то кто, как не она должна была бы знать о том, что было, а чего не было. Именно поэтому только ей одной вся эта история казалась загадкой. Для остальных всё было более чем очевидно. Некоторую неловкость, возникшую при обсуждении этого вопроса в виду того, что все, кроме самой Ирины Алексеевны, будто бы знали, почему именно Игорю завещаны эти деньги, старались скрыть за бурным обсуждением планов на будущее. Аннушка почти истерически хихикала, хлопала в ладошки, иногда зажмуривая глаза, броса-

лась обнимать брата, хотя никакой духовной близости между ними не было и в помине. Братик тихо, без показухи, любил только самоё себя, и об этом все прекрасно знали.

– Какое счастье! Теперь всё устроится! – повторяла Аня одну и ту же фразу, обращаясь к жениху, предполагая видимо, что в качестве подарка ли, или просто по доброй воле, Игорь купит им квартиру и их счастью не будет конца. Всевозможные планы употребления невесть откуда взявшихся денег сыпались как из рога изобилия. Примечательно было то, что планы эти рождались только в головах Ирины Алексеевны и её дочери. Что касается остальных членов семьи, то тут дело обстояло несколько иначе. Глава семьи Валерий Захарович, степенный и вдумчивый человек, никогда не знавший чувства ревности, был задумчив и молчалив. В разговоре почти не участвовал, но яд этой удивительно вредоносной страсти мало-помалу начал разрушать его душевный покой. Средний брат Игоря Сергей только подсмеивался над этими разговорами. Ему одному было совершенно наплевать и на планы, и на наследство. Он жил своей жизнью, ни на кого не надеясь, и никогда не ожидая подарков судьбы. Он был равнодушен к деньгам, и это намного упрощало его жизнь. Сам же Игорь был попросту растерян и ещё не очень верил свалившемуся на него счастью. Все попытки домашних строить планы, встречали с его стороны бурное неприятие и даже возмущение:

– Да подождите вы! Чего делить шкуру неубитого медве-

дя? Получу наследство, тогда и посмотрим. А пока, даже и обсуждать это не хочу. И вас прошу больше не возвращаться к этому вопросу.

В его присутствии решили больше не затрагивать эту тему, однако, как тут удержаться? Мама с дочкой, проводив жениха, отправились на кухню мыть посуду и там уже продолжали шушукаться. Валерий Захарович, вспомнив вдруг, что они договорились с его закадычным другом поехать на раннюю зорьку, засобирался на рыбалку, а Сергей отправился в путешествие по интернету, оставив Игоря одного с обуревавшими его мыслями и чувствами.

Глава 3

По разным причинам на оглашении завещания присутствовал только сам Игорь. Все, кроме Валерия Захаровича, который, уехав на рыбалку, так и остался на даче (чем ещё пенсионеру занять себя летом?), были на работе. Это крайне упростило сам процесс оглашения и позволило адвокату внести заметную лепту в ход дальнейших событий. Огласив завещание и объяснив, каким образом Игорь может им воспользоваться, Семён Семёнович предложил свою кандидатуру в качестве поверенного Игоря в его делах, на что Игорь без тени сомнения согласился.

– Поздравляю, Игорь Валерьевич! – передавая Игорю документы, сказал адвокат.

– Поскольку мы с вами подписали соглашение о моих правах и обязанностях в отношениях с вами, я хотел бы уточнить некоторые моменты и дать вам несколько дружеских советов.

– Слушаю вас, Семён Семёнович!

– Если желание узнать причину, по которой вы получили наследство, не оставило Вас, то я мог бы незамедлительно заняться выяснением этого вопроса. Что вы скажете на это?

– Конечно, Семён Семёнович. Не хочу до конца жизни теряться в догадках, кто и почему меня осчастливил. Да и родным интересно.

– Хорошо. Я завтра же начну заниматься этим вопросом. Прежде, чем приступить к советам, я хочу вам сказать, что практически вся моя жизнь связана с разрешением конфликтных ситуаций, возникающих между людьми в самых разных сферах человеческой жизни. Исходя из этого, я советую вам отказаться от мыслей что-то кому-то дарить, включая и ваших родственников.

– Но как же... – попытался было возразить Игорь, но Семён Семёнович остановил его:

– Вы не до конца выслушали меня. Ваши родственники люди самодостаточные. Никакими недугами не страдают. Все в той или иной мере могут обеспечивать своё существование. Поэтому какие-то пожертвования в их пользу могут породить для вас массу проблем. Поверьте мне, что за одним желанием решить свои проблемы за ваш счёт, обязательно появится следующее. А за ним ещё и ещё. Они будут нарастать как снежный ком, и этому не будет конца. И когда-нибудь вам придётся отказать, что совершенно определённо вызовет конфликт. И этот конфликт, если вы будете тверды в своём отказе, обязательно приведёт не только к разладу в семье, но и попросту к ненависти. Вас будут обвинять во всех смертных грехах, совершенно забыв о том, что вы уже для них сделали. И поверьте, что ваша жизнь превратится в ад. Вам это нужно?

– Нет, конечно. Но что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам уехать. Хотя бы на время. И поскольку

ку завещания никто не знает, то можно было бы мотивировать ваш отъезд желанием завещателя в обязательном порядке возложить цветы на его могилу. И, скажем так, что только после этого посещения, вы в полной мере сможете воспользоваться наследством. Это, конечно, ложь, но, как бы, ложь во спасение. Вам и объясняться ни с кем не придётся. Попутешествуйте месяц–другой, свыкнитесь с вашим новым положением, а там уж и принимайте окончательное решение.

– Что бы выехать за границу, нужен загранпаспорт, а у меня его нет. И в планах не было путешествовать.

– Это не проблема. Сделаем в кратчайшие сроки. Теперь о самом наследстве. Поскольку опыта обращения с акциями у вас нет, предлагаю обратить их в деньги, положить все имеющиеся у вас средства на депозит и жить на проценты. Поверьте, что этих денег с лихвой хватит и на безбедное существование, и на путешествия по всему миру. Так что не бойтесь заскучать. Согласны?

– Конечно. Играть на бирже я не собираюсь, так как попросту ничего в этом не смыслю. А смогу ли я снимать деньги с депозита в случае необходимости?

– Конечно. Только учтите, что чем больше вы снимите, тем меньше будет сумма ваших выплат.

– Понятно. Остаётся вопрос с жильём и автомобилем.

– Это тоже не проблема. Если доверитесь мне, то и подходящую квартиру, и обстановку, и автомобиль я куплю вам в самые короткие сроки. Пока вы путешествуете, всё будет

сделано. Но позволю себе дать вам ещё один совет.

– Какой?

– Квартиру лучше купить где-нибудь в другом месте. Лучше всего, скажем, в Крыму. Преимущества такого выбора очевидны: и от родственников далеко, следовательно, избежите неприятных вопросов, да и от прочих знакомых, у которых наверняка появится желание пожить за ваш счёт. Согласны?

– Да. Но лучше, я думаю, всё-таки не квартиру, а дом. Не меньше двух этажей, с большой террасой и видом на море.

– Договорились. В таком случае надо подписать соответствующие документы, и я займусь делом. Паспорт будет готов через три дня. Билеты до места назначения я вам закажу, а весь дальнейший маршрут вашего путешествия можно будет определить в турагентстве. Во времени ограничивать себя не стоит. Чем дольше будете путешествовать, тем больше привыкните к вашему новому положению. Согласны?

– Наверное, вы правы. – подвёл итог Игорь, и они занялись оформлением необходимых документов.

Глава 4

Никаких подозрений и вопросов условие посещения могилы усопшего в семье не вызвало, что очень обрадовало Игоря. Документы и билеты были готовы в оговоренные ранее сроки и Игорь, попрощавшись с родными, отбыл во Францию. Хотя не со всеми удалось попрощаться лично. Отец так и не вернулся с дачи по причине недомогания, и они попрощались по телефону. Причём Валерий Захарович был необычно холоден в разговоре с сыном. Никто из них не мог и предположить, что это их последний разговор в этой жизни. Игорь обратил внимание на отрывистые и какие-то не совсем адекватные слова отца в разговоре с ним, но отнёс это на счёт болезни. Здесь надо сказать, что в тот вечер, когда семья узнала о свалившемся на Игоря наследстве, Валерий Захарович, сообщив домашним о поездке на рыбалку, мягко говоря, лукавил. Новость об этом просто раздавила его. Он сидел за столом, не вникая в радостные пересуды домашних, и боялся даже подумать о том, по каким причинам наследником какого-то незнакомого ему человека оказался его сын. Разрушительная мысль «А сын ли?» сдавила всё его существо. А за ней, цепляясь друг за друга, кружась и перево-рачиваясь, последовали и другие предположения, вероятности и догадки, в основе которых лежало одно ужасное подозрение, переходящее в уверенность – измена. То ли по своей

ствам своего характера, то ли потому, что Ирина Алексеевна не давала ему повода для подобного рода мыслей, он никогда не испытывал чувства ревности. И, если ранее недоумевал и удивлялся ужасным последствиям, к которым приводила ревность (на примере других, разумеется), то сейчас он попросту испугался этого всепоглощающего, мгновенно охватившего его чувства. Испугался той власти, которую она получила над ним и особенно своего бессилия перед этой властью. От чувства обиды на его глазах выступали непрошенные слёзы, которые пытался украдкой смахивать, отворачивая в сторону или наклоняя голову, но дальнейшее пребывание в семье грозило закончиться чем-то страшным и постыдным. Ему надо было побыть одному, и спасительная мысль о рыбалке пришла в голову как нельзя кстати. Сообщив об этом родным, Валерий Захарович в течение нескольких минут собрался, благо всё было приготовлено заранее и лежало там, где должно было лежать, и вышел из дома. Сев в машину, резко газанул, и поехал в сторону дачи. Дача была тем спасительным местом, где он постоянно скрывался в случаях разлада в семье, переживая вспыхнувшие страсти, и давая им остынуть, тем самым, получая возможность более трезво оценить возникшие разногласия и разрешить их как можно более безболезненно. Валерий Захарович был мудрым человеком. Жизнь учит тех, кто хочет учиться. Валерий Захарович хотел.

Заехав в магазин, запасся продуктами, купив так же два

литра водки. В её чудодейственное свойство упрощать ситуацию он знал, но знал также и то, что она не всегда с этим справлялась, порой, только разжигая и усиливая вспыхнувшие страсти. В данном случае он поступил так, как обычно и поступает русский человек.

Между тем семья продолжала жить своей обычной жизнью. Прошла неделя со дня отъезда Игоря, затем другая, но вестей от него не было. Никто из домочадцев не переживал по поводу его отсутствия, кроме, пожалуй, Ирины Алексеевны. Она привыкла к тому, что сын всегда сообщал о своём местонахождении, поэтому столь долгое молчание вызывало тревогу. Потерпела ещё какое-то время, но, так и не дождавшись звонка, позвонила Семёну Семёновичу, чтобы справиться о сыне. Известия, которые сообщил ей адвокат, вогнали её в ступор. Она прекрасно знала своего сына, его эгоизм и самолюбование, но то, что сообщил ей адвокат, выходило за все рамки допустимого. Он поведал ей, что Игорь Валерьевич приобрёл дом в другом городе и больше не намерен здесь проживать; что он уехал за границу и сколько пробудет там, пока и сам не знает; что, во избежание конфликтов в семье по поводу наследства, он решил в город не возвращаться; что он будет готов помочь материально только в случае болезни кого-либо из членов семьи и связанных с ней расходов на лечение; что он уверен в том, что каждый должен строить своё счастье сам, поэтому считает неправильным решать чьи-либо проблемы за его счёт; в связи со

всем вышесказанным просит не искать его и не беспокоить какими-либо просьбами финансового характера, а в случае возникновения какой-то экстраординарной ситуации, обращаться к его адвокату. Выслушав всё это, Ирина Алексеевна почувствовала, что на неё только что, впрочем, не на неё, а на её душу, вылили ушат мерзостей, хотя, как ни странно это звучит, ей казалось, что она эту мерзость ощущает даже физически. Обида, непонимание, растерянность, страх и стыд одновременно охватили её. Женская интуиция подсказывала ей, что всё услышанное является только прелюдией чего-то более трагичного и ужасного. Даже не пытаясь найти ответов, по каким причинам её любимый сын так поступил с ними, стала звонить мужу, чтобы рассказать об этом. Молча выслушав её рассказ, Валерий Захарович попросил её приехать на дачу, чтобы обсудить всё это.

Глава 5

Приехав на дачу, Ирина Алексеевна обнаружила своего мужа, сидящего за накрытым столом.

– Что празднуем? – не поздоровавшись, спросила она.

– Да что ж тут праздновать? – отозвался муж. – Уж скорее поминки справляю.

– Ты понял, что я тебе говорила? – спросила Ирина Алексеевна, не обращая внимания на последние слова мужа.

– Что именно?

– Не делай вид, что ты не понял вопроса! – с раздражением сказала Ирина Алексеевна.

– Тебя это удивляет? – грустно спросил Валерий Захарович.

– Конечно! Конечно, меня это удивляет. Какую мать не удивит то, что её дитя в одночасье из родного и любящего сына превращается в бездушного и неблагодарного дельца?

– Да очнись ты, Ира. Любящим сыном он был только в твоём воображении. На самом деле он эгоист до мозга и костей. И таким он был всегда. И когда совершал какие-то поступки, которые тебе казались благородными, на самом деле в них всегда присутствовала корысть. Всегда! И печальнее всего то, что его воспитало наше время, а не мы с тобой.

– То есть?

– Я когда-то читал, что англичане проводили очень бесче-

ловечный, но крайне показательный эксперимент. Они взяли какое-то число новорождённых детей от бездомных матерей и на протяжении всего их взросления содержали в изоляции, никогда не общаясь с ними, а только давая пищу. В результате все без исключения превратились в совершенно недееспособную биомассу. То есть, эти новорождённые дети потеряли способность мыслить. Скорее даже не потеряли, а не обрели. И все последующие попытки по прошествии какого-то времени научить их чему-то потерпели крах. Тогда я впервые задумался о Боге. И по одной простой причине – если человек не может самостоятельно начать мыслить и осуществлять какую-то разумную деятельность, то обязательно должен быть кто-то, кто его этому научит. Кто, кроме Бога? И вся эта теория эволюции и все её «доказательства» представляются мне совершенным бредом.

– К чему ты мне всё это говоришь?

– В том, что Игорь стал таким человеком, виноваты мы с тобой. Я совершенно не снимаю с себя ответственности, потому что пошёл у тебя на поводу. Человек с малых лет должен знать, что такое хорошо, а что такое плохо. Это должны были объяснить ему мы. И не просто объяснить. Надо было сделать всё от нас зависящее, чтобы это знание стало сутью его жизненных позиций. А ты помнишь, что было главным принципом его воспитания?

– Что?

– Ну, вот. Я так и знал, что ты забыла. Главным принци-

пом его воспитания был твой лозунг: вырастет, сам во всём разберётся. Он и разобрался.

– Знаешь, Валера....

– Подожди, пожалуйста. Я ещё не всё сказал. Можно горевать по поводу его поступка, но, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Аня очень переживала по этому поводу. Денег этих у нас не было, так что в реальности мы ничего и не потеряли. Постарайся объяснить ей это. И главное. Постарайся сделать так, чтобы дети не возненавидели Игоря. Объясни им, что жалеть его надо, потому что деньги кончатся, а дела остаются. Да, если даже и не кончатся, то бесследно такие поступки не проходят.

– Почему я должна им объяснять? А ты?

– Потому что я ухожу от тебя Ира, – грустно произнёс он.

– Что значит ухожу?

– У тебя есть какое-то внятное объяснение, по какой причине совершенно незнакомый человек оставляет Игорю наследство?

– Нет, – испуганно прошептала она.

– Я долго над этим думал, Ира. Мы дружно прожили с тобой почти сорок лет, и за все эти годы ты ни разу не мне давала повода усомниться в твоей верности. Но я вспомнил, что во время нашей учёбы в институт по программе обмена студентами приезжала группа французских ребят.

– Так ты думаешь... – прошептала Ирина, – что я ... – выдохнула она с ужасом, широко открытыми немигающими

глазами уставившись на мужа.

– Разводиться в нашем возрасте нет никакого смысла, но жить я с тобой больше не буду. Я буду жить здесь, на даче, – продолжал он, но Ирина его уже не слышала. Тупая ноющая боль обручем сжимала голову, а глаза заполнились слезами обиды и горечи. Она встала, и, не обращая внимания на всё ещё говорящего мужа, как в бреду побрела из дома.

Глава 6

Бесцельно погуляв по Парижу, Игорь заскучал. Его не интересовали ни знаменитые на весь мир музеи, ни достопримечательности, ни люди. В силу поверхностности своих знаний он об этом ничего не знал. А что может быть более неинтереснее того, о чём ты ничего не знаешь и в чём ты совершенно не разбираешься? Вроде бы всегда хотел побывать в Париже, при этом, даже не задаваясь вопросом «зачем». Все почему-то обязательно хотят побывать в Париже, а потом, якобы, и умереть не страшно. Хотя, если попытаться узнать у девяноста девяти процентов желающих это сделать, зачем им это нужно, то что-то вразумительное вы вряд ли услышите. И этим людям совсем невдомёк, что куда лучше, полезней и радостней было бы, например, просто побывать в лесу и тихонько посидеть на пенёчке, вдыхая чистый лесной аромат, и наслаждаясь тишиной и лесным покоем. В итоге Игорь быстро заскучал и стал проводить время за бокалом вина в кафе на открытом воздухе, бездумно сидя и разглядывая прохожих. Что делать дальше, он не знал. Вероятнее всего он попросту вернулся бы в Россию, но однажды оказался за столом со своим соотечественником примерно такого же возраста что и он, так же сибаритствующим и прожигающим жизнь. Эта встреча несколько скрасила его пребывание в Париже, а затем и наполнила хоть каким-то смыслом

его дальнейшее существование. Соотечественник так же мучился от безделья и отсутствия каких-то планов на будущее. Хотя план у него всё-таки был, но он почему-то не решался воплотить его в одиночку. План его был удивительно прост – заняться секс туризмом. И, если для России и её граждан, которые в большинстве своём ещё не утратили нравственных жизненных принципов, такой вид туризма был бы чем-то неприемлемым, то для Европы и её свобод, это было в порядке вещей. В таких случаях сами знаете как: стоит хоть раз преступить запретную черту, ну а дальше – как в яму с нечистотами. А когда ты привыкаешь к их неприятному омерзительному запаху, со временем он уже не кажется тебе таким уж отвратительным, а даже становится приятным, и ты начинаешь, мало-помалу, наслаждаться им, то попробуй потом выплыти оттуда. Соотечественник нашёл в лице Игоря родственную душу. С тех пор понеслось и поехало. И эта вакханалия, состоящая из безудержного секса и его неотъемлемых спутников – алкоголя и наркотиков, колесящая по всему миру, забывшая обо всём на свете, смогла остановиться только тогда, когда оказалось, что Игорь заразился где-то специфической труднопроизносимой болезнью и вынужден был лечь в клинику на лечение. Эта болезнь оказалась не единственной. При глубоком обследовании выяснилось, что ему категорически противопоказан алкоголь по причине начавшегося цирроза печени. Только затянувшееся пребывание в клинике разрушило союз двух друзей и предот-

вратило окончательное падение нашего героя. Счёт за лечение оказался просто убийственным. Но не заплатить было невозможно, так как у них там принцип один: вечером деньги, утром стулья. Здесь бы, конечно, самое время погоревать о том самом пеньке посреди леса, но, кто же знает о его существовании? Тем более наш герой. Две трети наследства были истрачены. Если бы просто взял и спустил эти деньги в унитаз, то пользы было бы куда больше. И в нравственном плане, и в плане здоровья. А так... . Осознав, что при таком образе жизни очень скоро может оказаться в таком же положении, что и до получения наследства, и будет вынужден вернуться на так любимую им стройку, Игорь решил возвращаться домой. Тем более, что своего нового дома так ещё ни разу и не видел. Надо сказать, что Игорь не послушал совета адвоката приобрести дом в Крыму, так как опасался многолюдности, и согласился на покупку одиноко стоящего большого двухэтажного дома на берегу Ладоги. До ближайшей деревни было несколько километров, и это его устраивало. Даже близкое соседство с безразлично кем, казалось ему нежелательным. Он хотел жить один. Причину этого желания он себе не объяснял, хотя было очевидно, что подсознательно сторонился людей по причине самой простой – угрызений совести. Трудно забыть, как ты поступил с самыми родными тебе людьми. Игорь не предполагал, что израненная совесть будет укорять его всю оставшуюся жизнь и ему будет трудно смотреть прямо в глаза не только родным, но и любому че-

ловеку вообще. Но это был его выбор.

Глава 7

Сидя в кресле – качалке, Игорь предавался самым разным размышлениям. Какой-то чёткой последовательности мысли у него не наблюдалось никогда, и порой его посещали самые экзотические образы и пожелания. Однажды вспомнил мультфильм, в котором один из героев подвергся удару током, и из его глаз посыпались искры. Идея проверить и зафиксировать этот феномен почему-то захватила его. Недолго думая, за неимением какого-либо инструмента вообще, ножом снял пластиковую крышку розетки, и, выставив вперёд руку со смартфоном для записи на камеру, быстро, чтобы не дать страху овладеть собой, ткнул двумя пальцами в контакты. Удар тока пронизал тело и отбросил руку, но ожидаемых искр не было. Игорь остановил и просмотрел запись. Там тоже не было никаких искр. «Врут, сволочи!» – с чувством какого-то внутреннего удовлетворения подумал он. Такие неожиданные всплески мыслей и желаний посещали его по причине абсолютного отсутствия не только дел, которые занимали бы время, но и самого желания этими делами заниматься. Читать он не был приучен с детства. Телевизор работал круглые сутки только для того, чтобы как-то скрасить одиночество, но он редко задумывался над тем, что смотрел по телевизору. Иногда, правда, выбирался на автомобильную прогулку. Почему-то был уверен, что пешие про-

гулки не соответствуют его статусу богатого человека, хотя вокруг не было ни души. Да и богатства по сути дела тоже. Богатым человеком он был только в своём воображении. Вот и сегодня, просидев, покачиваясь несколько часов на террасе, решил поехать покататься. Выехав из гаража, направил машину в сторону от деревни. В нескольких километрах от его дома был незаметный съезд к озеру, где он обычно останавливался, чтобы полюбоваться завораживающей красотой Ладоги. По привычке приехал на то же место. Остановив машину, увидел барахтающегося в полынье, метрах в пяти–шести от берега пса. Недавно показанное по телевизору видео, как один мужик, ломая лёд, по грудь в воде пробирается к тонущей собаке и спасает её, всплыло в его голове. Особенно восторженные комментарии по поводу этого поступка. «А я смог бы так?» – вдруг подумал он. И тут же безрассудно отозвался: «Да запросто!», и ни о чём не думая, шагнул в воду. Ледяной холод обжёг ноги. Желая как можно скорее покончить с этим, Игорь заторопился и, встав ногой на скользкий от слизи камень, поскользнулся и с головой ушёл под воду. Вынырнул и, пытаясь выбраться на берег, начал соскальзывать всё дальше в озеро, чем помог тонувшей собаке. Она воспользовалась головой рядом барахтающегося человека, чтобы опереться на неё и выбраться на лёд. Стряхнув воду, псина помчалась в сторону деревни, не обращая никакого внимания на своего спасителя. Мучения продолжались совсем недолго. Игорь утонул, так и не поняв, что ценой своей

жизни спас собаку.

Глава 8

В квартиру к Телегиным позвонили. Ирина Алексеевна, одетая во всё чёрное, открыла дверь. На пороге стоял Семён Семёнович. Удручённый вид адвоката не предвещал ничего хорошего.

– Здравствуйте, Ирина Алексеевна, – извиняющимся тоном произнёс адвокат.

– Здравствуйте, Семён Семёнович, – сухо отозвалась на приветствие Ирина Алексеевна. Она понимала, что Семён Семёнович не имеет прямого отношения к её несчастью, но своей неприязни к нему скрыть не могла.

– Вы всё знаете? – удивлённо спросил адвокат.

– Знаю ли я, что умер мой муж? – с раздражением ответила на вопрос вопросом Ирина Алексеевна. – Конечно, знаю. И если вы пришли выразить соболезнования, то не стоило беспокоиться. Тем более ни он, ни вся наша семья не имеют к вам никакого отношения.

– Увы, Ирина Алексеевна, но это не так. Я дорого бы дал за то, чтобы вы оказались правы, но обстоятельства сложились так, что я, именно я, хоть и невольно, явился источником несчастий вашей семьи. Я понимаю, как вам сейчас тяжело, но всё-таки прошу вас рассказать мне об обстоятельствах его смерти. Поверьте, что у меня есть основания просить вас об этом.

– Последнее время Валерий Захарович жил на даче. Правильнее было бы сказать, со дня вашего появления с этим треклятым наследством. Он стал думать, что Игорь не его сын, хотя это не так, и не захотел больше жить здесь. Хоть и редко, но мы по телефону общались. Два месяца назад он перестал отвечать на звонки. Я забеспокоилась и поехала на дачу. Нашла его мёртвым, лежащим на полу. У него случился инсульт. Но умер он не от инсульта, а от того, что попросту замёрз. Понимаете? Он умер потому, что никого не было рядом. От того, что меня не было рядом.

– Я понимаю ваше горе, Ирина Алексеевна, – пытался утешить её Семён Семёнович.

– Что вы понимаете? Ничего вы не понимаете! – со слезами в глазах бросила Ирина Алексеевна. – Теперь он постоянно приходит ко мне во сне, молчит, плачет и то ли с укором, то ли с сожалением смотрит на меня. Я всё время прошу его: «Валера! Ну, скажи хоть что-нибудь!», а он молчит и плачет. И так каждую ночь. Вы не представляете, как я измучалась. Мне кажется, что я сойду с ума, – закончила Ирина Алексеевна и горько заплакала.

Семён Семёнович, понимая тщету каких-либо слов, молчал. Ирина Алексеевна, однако, быстро взяла себя в руки. Вытерев слёзы, извинилась перед адвокатом:

– Простите, Семён Семёнович. Что привело вас к нам?

– Я понимаю всё ваше горе, Ирина Алексеевна, но я не могу от вас скрывать, что произошло ещё одно несчастье.

– Сын? – опередила адвоката Ирина Алексеевна.

– Да, Ирина Алексеевна. Его нашли замёрзшим в лёд на Ладожском озере.

Его нужно похоронить. Поэтому я и приехал к вам.

– Сын для меня перестал существовать с момента нашего памятного разговора с вами. Так что хороните его сами. Деньги на это, я надеюсь, у него остались? Нас на похороны не ждите. Не мы от него отказались, а он от нас.

– Хорошо.

– У вас всё?

– К сожалению, нет, Ирина Алексеевна.

– Что же ещё?

– Дело в том, что Игорь Валерьевич поручил мне выяснить, по какой причине ему досталось это наследство.

– И что же вы выяснили?

– Прежде, чем ответить на ваш вопрос, я хотел бы уточнить некоторые детали относительно сестры Валерия Захаровича. Они двойняшки, насколько мне известно?

– Да, – утвердительно ответила Ирина. – А причём здесь она?

– А у неё есть дети?

– Да. Двое. Сын и дочь.

– А как зовут сына?

– Игорь, – ответила Ирина Алексеевна, начиная понимать, что хочет сказать адвокат, и, не дожидаясь следующего вопроса, закончила:

– Они родились в один день с моим Игорем. И зовут сестру так же, как и меня, Ириной, – она всё поняла и опустошенно посмотрела на адвоката.

– Какая же я дура! Какая же я бестолочь! – воскликнула Ирина Алексеевна, и новый поток слёз полился из её глаз. Успокоившись, она продолжила:

– Мы все: я, мой муж и Ирина, учились на одном курсе. На третьем курсе к нам на факультет по программе обмена студентами приехали трое французских студентов. И у Ирки был роман с одним из них. Французы, конечно, уехали домой, а Ирка на четвёртом родила, как и я. Только мы с Валерой уже были женаты, а она осталась матерью одиночкой. Но на пятом курсе, прямо перед окончанием института, она вышла замуж. За Женьку Никишина. Он за ней ухлёстывал с самого начала учёбы, и готов был взять её хоть с тремя детьми. Сразу же после окончания учёбы они уехали на Север, да так и живут там. Я не вспомнила о них только потому, что у нас давным-давно нет с ними связи, да и фамилия её изменилась. Поначалу переписывались, перезванивались, а потом стали делать это всё реже и реже. И как-то сама собой связь и вовсе оборвалась. Стёрлись из памяти, – закончила она.

– Значит, эти деньги предназначались не Игорю, а его двоюродному брату?

– обратилась она к адвокату.

– Вероятнее всего, так и обстоит дело.

– И что же вы намерены теперь делать? Он, небось, кучу денег успел потратить?

– В том-то и дело, что кучу, – угрюмо подтвердил адвокат.

– И кто же будет возмещать эти траты?

– Пока не знаю, но вполне вероятно, что это придётся делать мне.

– Почему вам? – не поняла Ирина Алексеевна.

– Причиной произошедшей ошибки наверняка признают мои непрофессиональные действия. Но, кто же мог предугадать такое стечение обстоятельств?

– У вас есть средства, чтобы возместить траты моего сына?

– Откуда, Ирина Алексеевна? Я хоть и неплохо зарабатываю, но больше двадцати миллионов евро для меня такая же фантастическая сумма, как и для вас.

– И куда же он такие деньжищи потратил, интересно?

– Скажем прямо, не на помощь бедным.

– Я и не сомневалась. И что же вы собираетесь делать?

– Я даже подумать боюсь о том, что кто-то узнает об этом.

Но перед вами я буду откровенным и хочу сказать, что и моя судьба, и судьба моих детей и внуков находятся в ваших руках. Как решите, так и сделаем.

– То есть, если я решу обнародовать то, что вы мне сказали, то несчастными окажутся ещё какое-то количество людей? Я правильно думаю?

– Да, – коротко подтвердил адвокат.

– Ну, уж нет, Семён Семёнович! Хватит! И что же за мерзавцы придумали, что счастье в деньгах? Врут ведь, сволочи! Вот что мы с вами сделаем, Семён Семёнович. Говорить об этом мы с вами никому не будем, а поскольку эти деньги нам не принадлежат, то после вступления в наследство, я передам все эти деньги благотворительному фонду. Я не допущу того, чтобы от них пострадал ещё хотя бы один человек. Вас устроит такое развитие событий, Семён Семёнович? – спросила Ирина Алексеевна, обращаясь к адвокату.

Семён Семёнович, чувствуя, что опасность миновала, и его семья спасена, сидел и молча, по-мужски, плакал. Ирина Алексеевна, увидев это, тоже заплакала, подошла к Семёну Семёновичу, обняла его за плечи и принялась успокаивать как маленького ребёнка.

Так и хочется закричать на весь мир: «Люди! Где вы?» и услышать в ответ: «Мы рядом! Мы везде!»

Старшему брату, Мише, посвящается.

Шмакодявка

Новелла

Глава 1

– Ну, ты посмотри на неё, а! Ты что же творишь, сука ты старая? – заорала Люська, открыв дверь в сарай. – Семён! – вновь закричала она. – Семён! Поди-ка сюда.

– Ну, чего тебе? – отозвался муж, подходя к сараю.

– Ты посмотри, что сотворила эта старая сучка. – сказала Люська, указывая куда-то вглубь сарая.

– Ну, чего ещё? – заглядывая в сарай, спросил Семён. Обследовав то, на что указывала жена, он пожал плечами, не выразив ни удивления, ни возмущения, и снова спросил:

– Ну, и что?

– Как что? – возмущённо спросила жена. – А кто мне всю плешь проел, когда я утопила щенят? – с не меньшим возмущением обратилась она к мужу. Относительно плещи она не выдумывала, но то, что причиной её появления был Семён, явно не соответствовало действительности. К своим сорока с небольшим Люська, которую когда-то в молодости называли и «Людой», и даже «Людочкой», превратилась просто в «Люську». Звали её так все, за исключением собственных

детей, по нескольким причинам: со временем, то ли по причине нескончаемых забот и неудовлетворённости жизнью, то ли потому, что иначе и быть не могло, она из стройной и привлекательной девушки превратилась в какую-то совершенно непонятных форм ватную и не очень опрятную женщину, которая не знала в принципе, что такое терпение и, в особенности, молчание. Разговаривала она всегда, безотнositельно того, был собеседник или его не было вовсе. Разговаривала с коровами, курами, собакой, небом, землёй, огородными растениями, камнями, вилами, то есть, абсолютно со всем, с чем она сталкивалась в жизни. Список её собеседников можно было бы продолжать до бесконечности, с которой она, впрочем, тоже непременно нашла бы, о чём поговорить. Хотя, можно было бы предположить, что вела она себя так по той причине, что её муж, Семён, был в этом плане её абсолютным антиподом, то есть, молчуном. Вытянуть из него хотя бы слово было большой проблемой не только в обычных обстоятельствах, но даже и тогда (имеются в виду стрессовые ситуации), когда любой другой человек обязательно что-нибудь, да сказал бы. Даже его сватовство было предельно кратко и необычно. Придя как-то домой к родителям Люськи с бутылкой водки, он, сидя за столом с её отцом и дождавшись её прихода, произнёс только два слова:

– Замуж пойдёшь?

И, то ли от неожиданности заданного ей вопроса, то ли потому что у него были золотые руки, и был он неумолимым

тружеником, а может и потому, что претендентов было не так уж что бы много, и опасность остаться в старых девах была более чем вероятной, хохотушка Люська, не раздумывая, согласилась. Следующим словом, которое она от него услышала, было слово: «Да», произнесённое им в Загсе. Но семья, несмотря на эти внешние несовместимости, состоялась. Состоялась во всех смыслах. И дом, и дети, и скотина, да и всё хозяйство вообще, находились под постоянным приглядом неутомимого молчуна Семёна и его говорливой жены. В этом сосуществовании двух, казалось бы, противоположностей, было одно неоспоримое и очень существенное преимущество – они не ругались. Ни по мелочам, ни по более серьёзным причинам. Спорить с тишиной было настолько бесполезно, что Люське, довольно хорошо изучившей своего мужа, вполне достаточно было его молчаливого взгляда, в котором она безошибочно угадывала его одобрение или неприятие, поэтому споров «ни о чём», из-за которых чаще всего и рушатся семьи, не было вообще.

– Пусть живёт! – отрезал Семён и пошёл по своим делам.

– Это? – с недоумением спросила Люська. – Да это что такое вообще? – обратилась она с вопросом к лежащей в углу сарая большой дворовой собаке Найде, рядом с которой возились три довольно внушительных размеров толстопузых щенка. Чуть поодаль от них копошилось некое неопределённое космато-волосатое существо, размером не более половины своих сестёр. Щенки, благодаря своему размеру и пре-

восходству в силе, оттеснив уродца, усиленно чмокали, припав к соскам матери, и не давая возможности полакомиться их неудавшемуся брату. Но так продолжалось совсем недолго. Бесформенный комочек, сообразив видимо, что мирные переговоры в данном случае неуместны, впился своими острейшими зубками в ногу одной из своих сестёр, заставив ту завопить и ретироваться, и занял её место. Люська с удивлением посмотрела на происходящее и резюмировала:

– Не сдохнет! – и, не удержавшись, укорила Найду:

– Не кормили тебя что ли? – обратилась она собаке, которая, чувствуя, видимо, свою вину, прижимала морду к земле, униженно снизу вверх поглядывала на хозяйку, и порывисто махала пушистым хвостом. – Шмакодявка какая-то. – с презрением заключила Люська, и пошла по своим делам.

Глава 2

Щенков Люська раздала быстро. Окружённый лесом посёлок зачастую подвергался, особенно снежными зимами, нападениям хищников (лис и волков) на домашнюю, включая и небольших собак, живность. Так что наличие большой и агрессивной собаки было большим подспорьем в борьбе с ними. Шмакодявку, понятное дело, никто брать не захотел. Бесполезное всегда в тягость. А презрительно–уничижительное прозвище, данное Люськой изначально, так и прилипло к щенку, хотя звать его стали Шмаком по причине того, что это был, во-первых, кобель, а, во-вторых, слишком уж длинной была эта кличка. Язык сломаешь, пока выговоришь. Со временем Шмак подрос, но так и остался недомерком, габаритами напоминая скорее большую болонку, нежели крупную сторожевую собаку, какой была его мамаша. Неестественно толстые кривые ноги, такое же толстое тело, напоминающее докторскую колбасу, и густая чёрная шерсть дополняли неприглядный образ. Люська, сталкиваясь со Шмаком, только горестно вздыхала, глядя на эту ошибку природы. «Нахлебник!» – думала Люська до тех пор, пока он не опровергнул её ошибочное мнение. Как-то, на следующий год после рождения Шмака, Люська, возившаяся в огороде, услышала какие-то истошные визги и шум отчаянной борьбы, доносившиеся из-за дома. Бросив работу, она

поспешила на шум. Открывшаяся картина одновременно и напугала её, и наполнила её сердце умилением и гордостью. Недалеко от изгороди в яростной схватке сцепились Шмак и коршун. Понять, что происходит, было невозможно. Катающийся клубок тел, хлопанье крыльев, перья врзлёт и ордерующихся просто заворожили Люську. Внезапно всё смолкло. Косматое чудо отлепилось от бездыханного тела коршуна, и, повизгивая от боли и, не обращая на Люську никакого внимания, поплелось в сарай зализывать раны. «Семён!» – почему-то родилось в сознании женщины. Люська смахнула слезу умиления и, увидев испуганно прижавшихся друг к другу детей, улыбнулась и с гордостью произнесла, обращаясь к ним:

– Защитник!

С тех самых пор отношение домашних к Шмаку резко изменилось. Все, кроме Семёна, старались угостить его чем-то вкусненьким, погладить, или просто поиграть с ним. Шмак на вкусненькое обращал такое же внимание, как и на любую другую еду, и, если не был голоден, то просто игнорировал желание домочадцев угодить ему. Станный был пёс. Молчаливый. Не привыкший с рождения к ласке, он тяготился вниманием людей, и старался как можно реже попадаться им на глаза, но службу нёс исправно. Семён, да и только. Видя такое отношение Шмака, домочадцы отстали от собаки и больше не возвращались к неудачному опыту, несмотря на то, что он неоднократно подтверждал свою совершенно без-

рассудную смелость, молча, а оттого неожиданно, нападая и обращая в бегство любого противника, посягающего, по его мнению, на охраняемую им территорию.

Жилище, в котором проживали наши герои, можно было бы назвать скорее хутором, чем просто деревенским домом по причине того, что их участок находился не менее чем в ста метрах от окраины деревни, и пространство между ними, не занятое огородами, за восемь десятилетий существования посёлка давно поросло густым кустарником и деревьями, представляя собой, по сути дела, продолжение окружающего их леса. А, во-вторых, жили они со своими давними соседями со времени развала леспромхоза очень обособленно. Не по причине каких-то разногласий между ними и остальными жителями, а потому, что праздно болтающийся человек в деревне, если он не алкаш, явление совершенно противоестественное.

Некогда праздно шляться. Работой жили. Жили дружно и бесконфликтно, как и их прадеды, связанные с детства закадычной дружбой. И, если и возникали какие-то споры и мелкие ссоры (куда ж без этого), то решались они быстро, а порой просто жёстко пресекались, не позволяя им разгораться. В каждой из семей был свой лидер, обладающий достаточной мудростью для того, чтобы не допустить перерастания какого-то недоразумения в серьёзные и продолжительные конфликты. У соседей таким лидером была Варвара, Люськина одноклассница, которая к своим сорока не лишилась ни при-

влекательности, ни стати, несмотря на шестерых детей. Своей немногословностью и твёрдостью характера она, отчасти, была похожа на Семёна. Варя была всегда опрятно одета и тщательно причёсана, что в деревне при постоянных заботах, да ещё шестерых детях было делом ой, каким нелёгким. Совершенной загадкой для всей деревни была причина, по которой она вышла замуж за Никиту, внешне привлекательного, но ленивого и безалаберного парня. Поженились они после возвращения Никиты из армии.

Мать Варвары, Пелагея Семёновна, очень не одобряла выбор дочери, но, зная её характер, противиться не стала. После скоропостижной смерти мужа главенство в их семье как-то само собой перешло к Варе. Внешне отношения матери и дочери оставались прежними, но внутренне они обе поняли, что забота о благополучии семьи теперь полностью ложится на плечи дочери. После смерти мужа Пелагея Семёновна, очень любившая супруга и тосковавшая от разлуки с ним, стала быстро и неотвратимо увядать, и за какие-то три–четыре года из жизнерадостной пожилой женщины превратилась в полную старуху. Это в шестьдесят–то лет. Ни заботы по хозяйству, ни внуки не могли развеять эту тоску. За сорок лет семейной жизни Пелагея Семёновна и её муж поистине стали одним целым, так что смерть супруга и не зависящее от неё насильственное расставание с ним превратили её душу в большую кровоточащую и незаживающую рану. Ну, что ж здесь поделаешь? Жизнь. И как бы ни казалась

она нам порой жестокой, совершенно очевидно, что мы сами не очень—то понимаем причин своего горя, потому и горюем, оплакивая ушедших близких. Привыкли. Предки горевали, и мы горюем. Хотя, при более внимательном рассмотрении этого вопроса, совершенно очевидным становится тот факт, что оплакиваем и жалеем мы самих себя, разрушенных многолетнего уклада жизни и духовных связей, неосознанно страшаясь при этом не только неопределённости своего предстоящего существования, но и своей будущей неизбежной кончины, невольным напоминанием о которой и становится смерть близких.

Пелагея Семёновна умерла в прошлом году, сразу после Пасхи, оставив Варю в некоторой растерянности. При жизни матери всё казалось Варе очевидным и понятным. Её присутствие было не только живым напоминанием того, что и как надо было делать, но и не давало сомнениям нарушить установленный порядок, благодаря которому из поколения в поколение и передаётся жизненный опыт предков, ибо опыт этот, пропитанный невзгодами и болезнями, потом и кровью множества поколений и является тем животворящим лекарством, тем иммунитетом, с помощью которого и сохраняется жизнь.

Глава 3

Деревенский быт не меняется в течение тысячелетий. И какие бы революционные изменения не происходили, именно эта, сложившаяся в течение веков организация жизни, не давала человеку опустить руки и согнуться с лица земли. Не до революций, когда надо доить коров, чистить хлев, полоть огород, кормить скотину и детей (именно в таком порядке), штопать одежду, то есть, просто жить. Что для человека может быть важнее? Работа всё лечит. Работа – суть продолжения жизни.

С приходом перестройки, а вслед за ней и развала государства, соответственно, развалился и леспромхоз, основанный ещё в начале тридцатых годов. Всё, создаваемое в течение десятилетий трудом их предков, рухнуло в одночасье. Ломать, не строить. Ни большого ума, ни умения не требуется. И вопрос: «А что же делать дальше?» со всей остротой встал перед каждым отдельно взятым человеком. И, если с развалом леспромхоза некоторые из односельчан, лишившись работы (а лишились абсолютно все), отчаялись и, не зная, что делать, отчаяние своё стали лечить алкоголем, то наши герои приняли эти невзгоды просто и без надрыва. Посоветавшись, решили поначалу жить домашним хозяйством, а там, как Бог даст. У Варвары было две дойные коровы, да у Люськи одна, следовательно, молочными продукта-

ми семьи были обеспечены. Кур да гусей – полон двор. Пока ещё были деньги, за которые можно было что-то купить, решили взять овец – шерсть валять. Огороды – по полгектара. Машина в хозяйстве тоже была. За три года до развала лес-промхоза, Семёну, как передовику производства и ударнику коммунистического труда в качестве поощрения, по разнарядке, предоставили право купить Уазик. Он и купил. А, если ещё учесть окружающий их бесконечный лес–кормилец, то упоминать об отчаянии нормальному человеку было бы и вовсе неприлично.

Единственная проблема, которая беспокоила Варю, это Никита и его тяга к спиртному. Его первый, так сказать пробный, загул в начале их совместной жизни, был самым жёстким образом пресечён Варварой. Перед ним была поставлена дилемма: или водка, или семья. Никаких других альтернатив и послаблений не предлагалось. Никита выбрал семью. Выбрать–то выбрал, но выполнять требование жены не всегда получалось. Варя, понимая, что после потери работы Никите будет очень трудно сдерживать свою дурную склонность, приняла соломоново решение: Никите позволялось выпивать один раз в неделю после бани. Смягчение позиции было связано ещё и с тем, что парился он с Семёном и, следовательно, с ним же и выпивал. После возлияний Никита домой не допускался, так как, во-первых, Варя не переносила запаха спиртного, а, во-вторых, она не хотела, чтобы дети видели отца в непотребном состоянии. К воспитанию

Варя относилась очень трепетно, и свято верила в наставления матери о том, что воспитание – это, прежде всего, личный пример. Отца своего Варя никогда не видела выпившим, за исключением, пожалуй, больших праздников, когда дети допускались к праздничному застолью. Того же она требовала и от мужа.

Глава 4

Новая жизнь ставила и новые задачи. Руководители лес-промхоза после банкротства предприятия разъехались кто куда, бросив на произвол судьбы не только людей, но и всё хозяйство. Что смогли, продали, а до остального и дела нет. И штабеля заготовленного ранее кругляка, и кое-какая лесозаготовительная техника, и даже лесопилка со всем оборудованием были брошены. Делайте, что хотите. И всё это гнило, ржавело и порастало бурьяном.

Люди, поначалу поражённые безвластием, пребывали в оцепенении недолго. Поняв, что указаний сверху можно будет ждать до второго пришествия, они, сначала осторожно, совсем понемногу, а затем, осмелев и даже обнаглев, начали растаскивать оставшиеся богатства. Здесь уж, кто пострел, тот и успел. Наши герои в этом плане тоже не отставали от остальных. Семён, проработавший большую часть своей трудовой деятельности на лесопилке, не стал ждать, когда эта вакханалия свободы и безвластия закончится и ничего не останется. Взяв в помощники Никиту, он стал вывозить на самодельном прицепе с делянок (благо не далеко) кругляк, распиливать его на брус и доски, и всё это складировал во дворе. Таким образом, после двух недель непрерывного труда у него во дворе выросла небольшая лесобиржа. На первый взгляд можно было подумать, что леса этого должно хватить

не только им, но и их потомкам, но на практике оказалось совсем не так. Давняя задумка построить хорошую просторную баню, из несбыточной мечты превратилась в осязаемую реальность. Баня получилась совсем уж роскошная: с сенями, предбанником, моечной и просторной парилкой. И, если раньше банный процесс занимал от четырёх до пяти часов, и мужикам, чтобы попариться, приходилось подтапливать баню, то теперь всё гораздо упростилось и ускорилось. Девчонки и мальчишек разделили и стали мыть всех вместе: матери – девочек, отцы – пацанов. Места теперь хватало всем. И только тогда, когда все были пропарены и помыты, наступал черёд отцов. Это было, пожалуй, единственное время, когда Семён, распаренный и расслабленный, сидя за накрытым столом в предбаннике, позволял себе о чём-то поговорить. Обычно выпивали после бани немного, по две – три стопки, плотно закусывали и Семён уходил домой, а Никита укладывался спать прямо в предбаннике. Тепла хватало до утра даже в самые лютые морозы. Иногда же двух–трёх стопок не хватало. По какой причине, они не задумывались, так как строго установленной нормы у них не было, а вот заправка была всегда. Но такого, чтобы напиваться, не было никогда. У Семёна было очень развито ощущение предельно допустимой нормы, которую он ни при каких обстоятельствах не превышал, а Никита совершенно не мог пить один. Он, как и Люська, очень любил поговорить, с той только разницей, что не видел он собеседников в окружающих его вещах

и не представлял себе, как можно изливать душу, к примеру, потрёпанному берёзовому венику, потому и ложился спать немного грустный и неудовлетворённый из-за невозможности освободиться от переполнявших его мыслей, поскольку конвейер по их производству работал интенсивно и безостановочно:

– Ты понимаешь, Семёна, – говорил он после бани уже немного захмелевшему собеседнику, – я прямо сохнуть начинаю, когда не могу думать. Ты, вот, всё спрашиваешь, почему я такой худой, а, вот поэтому и худой. У Варьки всё дела, да дела. С детьми, о чём поговоришь? Только с тобой, раз в неделю, и отвожу душу.

Семён, прекрасно понимая, что у Никиты слова «думать» и «говорить» означают одно и то же, усмехался и миролюбиво возражал:

– Да ладно тебе. Никита. Нашёл, из-за чего расстраиваться. Ты мне лучше вот что скажи, – лукаво сверкнув глазами, продолжал Семён, – Варька твоя опять что ли на сносях?

– Да причём здесь это? – обиделся Никита, понимая, на что намекает Семён, и замолчал.

– Да что ж ты как дитя малое? Обиделся, что ли? – миролюбиво пытался оправдаться Семён. – Дети – это же радость. Вот и радуюсь за вас.

– Дети? – мгновенно забыв про обиду, риторически спросил Никита. – Это верно. Это ты в точку. Вроде галдят, снуют безостановочно, аж в ушах звенит, да в глазах рябит, а

подбежит к тебе Санька карапуз, обхватит ручонками брючину, смеётся—заливается ни с того ни с сего, и столько в нём доверия и любви к тебе, что прямо слёзы наворачиваются. — растроганно признался Никита и тут же предложил:

— Давай-ка, ещё по одной. За детей.

— За детей? За детей грех не выпить. — согласился Семён. Налили. Выпили. Закусили и приумолкли, каждый думая о чём-то своём. Первым прервал молчание Никита:

— Слушай, Семён. А за что это Шмакодявка меня не любит?

— Не замечал. — удивлённо ответил Семён. — А с чего взял?

— Да я тоже никогда не замечал. А тут как-то наемдни иду мимо, а он у сарая в теньке лежит. Слышу — рычит. Даже не поверил. Думал кто-то чужой рядом. Оглянулся, а вокруг ни души, только я и он. Чё в голове у придурка? Он же безбашенный совсем.

— Не обращай внимания. — успокоил его Семён. — Это, наверное, продолжение концерта.

— Какого ещё концерта?

— Я тут как-то вечером случайно увидел, как твоя Варька с Шмаком беседовали.

Стоят друг напротив друга возле забора и поливают друг друга.

— С чего это? — удивился Никита.

— А я почём знаю?

Глава 5

Не покривил против истины Семён, когда рассказывал о странных «беседах»

Варвары с собакой. А история их такова. Как-то Люська, увидев пригорюнившуюся Варю, спросила у неё:

– Ты чего подруга нос повесила?

– Да, как тебе сказать?

– Как есть, так и говори.

– Ты знаешь, Люсь, порой так устаю, что мочи нет. Так хочется наорать на кого-нибудь или разбить что-нибудь. Пока хватает сил сдерживаться, но порой, так накатит, аж темень в глазах. Боюсь не сдержаться, Люся. Очень боюсь. Так дети же рядом. Они-то, в чём виноваты? Они ж – дети. Нельзя, чтобы видели меня такой. Никак нельзя. Мама на меня никогда не кричала. И я не должна. А как избавиться от этого, не знаю.

– Ну, велика беда. Ты думаешь, ты одна такая? Я давно уже нашла способ как с этим бороться.

– Врешь! – недоверчиво и вместе с тем радостно воскликнула Варя. – Ну-ка, поделись.

– А что здесь делиться? Как припечёт, так я в лес. Пока не обматерю всё, что вижу, до тех пор и не успокоюсь. Это как в туалет по надобности. Как, например, в райцентре. Терпишь, терпишь, а сходить – то некуда. Пока до дома доберёшься,

так вся изведёшься – издёргаешься, аж выкручивает тебя. А прибежишь домой, сумки побросаешь, и в туалет. Такое облегчение. – изобразив на лице блаженство, закончила Люська.

– В лес? – задумчиво произнесла Варя. – Мне в лес никак нельзя.

– Чего это?

– У тебя Люся детей сколько?

– А причём здесь дети?

– Как причём? У тебя, во-первых, трое, а, во-вторых, все уже взрослые. А у меня мал мала меньше. Я их и на пять минут одних оставить боюсь. Обязательно что-нибудь вытворят. – не согласилась с подругой Варя.

– Ну, тогда я не знаю. Тогда терпи.

– Придётся. – согласилась Варя, но совет соседки запомнила.

Как-то вечером, по прошествии нескольких дней, проходила она рядом с забором, разделявшим их дворы и, увидев Шмака, невольно остановилась. Поражённая каким-то необычным уродством собаки, Варя, никогда не обращавшая на это внимания, в сердцах произнесла:

– У-у-у, Шмакодявка, – и хотела было пойти дальше, но, к её удивлению и возмущению, собака не оставила это без внимания, и, как будто бы поняв, что её оскорбляют, стала лаять в ответ, чего никогда не случалось ранее. А лай у Шмака, как и его внешний вид, был, надо сказать, препро-

тивнейший, какой-то пискляво – пронзительный. Варя, опешив от такой наглости, остановилась и несколько секунд с возмущением смотрела на собаку. Затем, забыв обо всём на свете, подошла вплотную к забору и... Хорошо, что ни дети, ни муж не видели и не слышали этого. Вряд ли кто-то смог бы объяснить, откуда, в этой, обычно сдержанной, доброй и улыбчивой женщине, столько злости и изощрённых ругательств. И, если кто-то думает, что собака оставалась безответной, то он глубоко ошибается. Они самозабвенно, в течение нескольких минут, облаивали друг друга, пока Варя вдруг действительно не почувствовала облегчение. Она остановилась. Осознав всю абсурдность ситуации, Варя с улыбкой посмотрела на Шмака, и извиняющимся тоном произнесла:

– Ты уж не обижайся на меня, Шмакушка. Баба, она и есть баба, что с неё взять? Устала я, – закончила Варя, и, виновато улыбнувшись, пошла домой.

С тех пор они неоднократно встречались, если так можно выразиться, в «словесных» баталиях, которые никоим образом нельзя назвать однообразными. Бывали случаи, когда Шмак, усевшись, просто и с удивлением смотрел на ругающуюся Варю, которая, не встречая привычной реакции, сбавляла тон и начинала просто жаловаться и плакать. Впечатление было такое, что он понимал состояние женщины и жалел её. Случалось, не дослушав её тираду до конца, он поднимал заднюю лапу, и, оросив забор, удалялся. А порой,

повернувшись к Варе задом, с силой скрёб землю, отбрасывая её назад всеми четырьмя лапами, как это обычно делают собаки, когда после опорожнения хотят зарыть свои экскременты. Форменное издевательство, которое, впрочем, не очень задевало Варю. Она абсолютно теряла над собою контроль только тогда, когда он начинал лаять, и Варе, которая стала воспринимать собаку как реального собеседника, казалось, что она слышит в собачьем лае и сарказм, и издёвку, и насмешку. Помрачение, да и только. Но самое удивительное в этом, как бы противостоянии, заключалось в том, что встречаясь в любое другое время, они относились друг к другу совершенно дружелюбно, как будто и не было вовсе этих вечерних перепалок.

Глава 6

Так и протекала их жизнь. Никаких изменений в лучшую сторону в обозримом будущем не предвиделось. Работы в посёлке как не было, так и нет. Хорошо, что ещё работала школа, но и её перспективы были скорее печальны, нежели радужны, так как молодёжь, не видя для себя никакого будущего, мало – помалу разъезжалась, кто куда, и население посёлка неуклонно уменьшалось. Нынешний год выдался в меру дождливым и, к радости местных жителей, грибным и ягодным. И всё было бы замечательно, если бы не Никита. Собранный урожай грибов и ягод, предназначенный для продажи, решили сдавать в райцентре, так как местные заготовители–оптовики платили в два раза меньше. Варя, понятное дело, из дома отлучиться не могла, поэтому эту обязанность пришлось возложить на Никиту. Когда случалось так, что в район собирался Семён, то обязательно прихватывал с собой и соседа. Но, так бывало далеко не всегда. Чаще всего Никита либо договаривался с кем-нибудь из поселковых, выезжающих в райцентр, либо, если таковых не находилось, просто выходил с поклажей на трассу и ловил попутку. Из таких поездок он обязательно возвращался с водкой, не рискуя при этом быть уличённым в утаивании семейных денег, либо в их растрате. В местном магазине покупать не решался, так как Варе обязательно бы сообщили. Привезён-

ную водку прятал в лесу, рядом с тропой, по которой он ходил за ягодой. Проверить, на какую сумму он сдавал ягоды, было невозможно по различным причинам. Цена её зависела не только от свежести, размера и спелости ягоды, но, порой, и просто от настроения приёмщика. Об этом знали все. Так что не имело никакого смысла что-то проверять. Правду знали только сдающий и приёмщик. Да и не было у Вари даже мысли в голове, что Никита может её обмануть. Сама никогда не обманывала, потому и на него не могла подумать. И как поначалу Никита внутренне не страдал от этого обмана, опасаясь разоблачения, в конце концов, стыд постепенно улетучился совсем, и все свои действия Никита воспринимал как само собой разумеющиеся. И, если поначалу ему хватало одной бутылки водки в день, то со временем потребность стала увеличиваться, и выпивать он стал не только в лесу, но и поздно вечером, когда все укладывались спать. Причина, по которой Варя не замечала изменений в поведении мужа, была довольно проста: практически все дни напролёт Никита проводил в лесу, собирая ягоды, где потихоньку и прикладывался к бутылке, так что ко времени возвращения домой он был почти трезв, а запах алкоголя напроочь перебивали запахи ягод и леса. Придя домой он, поужинав, принимался за переборку ягод, и ночевать оставался в бане, мотивируя это и духотой в доме, и тем, что с утра пораньше надо опять идти в лес, и тем, что не хочет будить детей. Вполне обоснованные причины не вызывали в Варе

какого-то беспокойства, а изменения в поведении мужа Варя объясняла его усталостью. Она не понаслышке знала, сколько сил забирает сбор ягод, потому и не беспокоилась. Никита же, дождавшись, когда все улягутся спать, доставал заначку, и, выпив перед сном пару стопок, и покурив на свежем воздухе, только после этого укладывался спать. С течением времени потребности Никиты в алкоголе росли, и, если раньше ему вполне хватало перед сном двух стопок, то теперь, чтобы заснуть, надо было выпить не менее четырёх, то есть, почти бутылку водки.

Соответственно было и его поведение. С наступлением осени зачастили дожди, и Никита, не желая мокнуть, стал курить в сенах, а затем, совсем обленившись и потеряв осторожность, в предбаннике, где и ночевал. Что ему до всего мира, когда он бродит в лабиринте алкогольных галлюцинаций, в хаосе мыслей и несбыточных мечтаний, полных героических поступков, которые он никогда не совершит и восхищения своей мудростью, которая к нему никогда не придёт? Что ему до вселенной, которую он, не понимая того, влечёт за собой в бездну небытия? А, если даже и понимал бы? Хватило бы сил остановиться?

Так и заснул Никита, свалившись на матрас с дымящейся сигаретой.

Шмак, ночевавший обычно в сарае, где он нашел постоянное пристанище, сквозь чуткий сон почувствовал запах дыма и мгновенно проснулся. Выйдя из сарая, он принялся

ся и, установив источник дыма, бросился к бане, из неплотно прикрытой двери которой и просачивался дым. Протиснув своё тело в щель между дверью и косяком, и открыв её, Шмак подошёл к двери в предбанник, где спал Никита.

Дверь в предбанник так же была едва прикрыта, но Шмак, задохнувшись от дыма, выскочил на свежий воздух, кашляя и чихая. Восстановив дыхание, он хотел было залаять, но у него ничего не получалось. От дыма и угарного газа вместо лая он издал только какой-то писклявый хрип. Недолго думая, Шмак понёсся к беседке, стоявшей совсем рядом с домом Вари и, вскочив на лавку, всем телом бросился в окно. Окно разбилось, но Шмак, упавший вместе с разбитым стеклом на землю, вскочил и снова побежал к бане. Непонятно каким образом, но ему удалось открыть дверь в предбанник, откуда вырвалось жаркое пламя, отбросившее собаку назад. Постояв несколько секунд пред открытой дверью, Шмак бросился в огонь.

Тем временем от шума разбившегося стекла проснулась Варя и, увидев в окно горящую баню, побежала будить соседей. Вызвав «пожарку», выскочившие Семён и Люська вместе с Варей поспешили к месту пожара. Кроме пары двухсотлитровых бочек, наполненных дождевой водой, да канистр с водой для питья и стирки, не было ничего, чем можно было бы потушить пожар. Совершенно забыв, что в бане должен был ночевать Никита, они в бессилии и оцепенении стояли напротив двери, из которой вдруг показалось какое-то

дымящееся существо, тянувшее что-то похожее на ботинок. Дальше из-за дыма ничего не было видно, но Семён, очнувшись от оцепенения и поняв, что это может быть, бросился на помощь. Схватившись за тлеющий ботинок, он рывком выбросил тело Никиты из сеней и оттащил его от горячей бани. Проверив пульс, и обнаружив слабое биение сердца, он побежал за машиной, заорав при этом на совершенно обездвиженных женщин. Варя и Люська, опомнившись, поспешили на помощь обгоревшему Никите, но только бестолково толкались вокруг него, не зная, чем помочь. Тут же подъехал Семён, и, загрузив с помощью женщин тело Никиты в Уазик, повёз его в районную больницу.

Глава 7

Пожарные приехали быстро, через несколько минут после отъезда Семёна, но с огнём справиться не смогли. Баня сгорела полностью, но брандмейстеры считали большой удачей то, что огонь не перекинулся на стоящие недалеко от пожара дома, пытаясь таким образом утешить женщин. Какое уж здесь утешение, когда и баня сгорела, и муж неизвестно – выживет ли? Проводив пожарников, женщины отправили спать проснувшихся и высыпающих во двор, поглазеть на пожар, детей. Собираясь последовать за ними, Варя уткнулась взглядом в какой-то шевелящийся окровавленный ком, находящийся недалеко от бани. Подойдя ближе, она с ужасом поняла, что это всё, что осталось от Шмака, и от этого ужаса закричала. На крик прибежали и дети, и соседка.

– Настенька! – обратилась Варя к старшей дочери. – Быстренько неси простыню и сметану. Давай, родненькая.

Девочка побежала в дом и через минуту возвратилась с тем, что просила мать.

Варя поставила большую, на несколько литров, плошку со сметаной рядом со Шмаком и остановилась, не решаясь что-то сделать. Тело Шмака представляло собой какую-то смесь из обгоревшей свалывшейся шерсти, перемешанной с кровью, и открытой кровоточащей плоти. Вместо глаз, лопнувших от высокой температуры, зияли два кроваво чёрных

провала. Решившись, наконец, Варя взяла полную горсть сметаны, присела на корточки и стала толстым слоем накладывать сметану на раненное тело.

– Делать тебе нечего? – спросила стоящая рядом Люська. – Всё одно ведь помрёт. Чего продукты зря переводить?

– Продукты? – перепросила удивлённо Варя. – Пожалеть ложку сметаны тому, кто спас Никиту, а может и всех нас?

Поняв, что сказала что-то очень неправильное, Люська замолчала и потупила взор.

– Ты, знаешь, Люся, отсутствие у человека чувства благодарности, означает только одно – он никого кроме себя не любит. – с укором сказала Варя, и продолжила накладывать сметану на истерзанное огнём тело Шмака. Затем, накрыв его сверху простынёй, она перевернула тельце и, покрыв сметаной оставшуюся часть, завернула его в простыню и взяла на руки. Шмак едва подавал признаки жизни, однако, ему хватило сил признательно лизнуть руку Вари. Так они и помирились. Хотя, ссорились ли? Кто ж знает? Велика тайна любви.

Семён вернулся под утро. Не став никого будить, он накормил скотину, почистил хлева в обоих хозяйствах и выпустил коров и овец на пастбище. Большой загон для скотины они с Никитой огородили сразу после развала леспромхоза, чтобы не искать их по лесу, что порой случалось. Утомлённые ночным происшествием, женщины и дети проснулись только после полудня. Грусть и растерянность от ночного

происшествия царили недолго. Дети, через какое-то время, забыв о несчастье, принялись за свои обычные детские дела. Семён, поведав женщинам о том, что Никита находится в реанимации в бессознательном состоянии и о том, что сейчас его навещать не имеет смысла, принялся разбирать пожарище. На причитания жены о том, за что же на них свалилось такое несчастье, он ответил предельно просто:

– После больницы заехал в церковь свечку поставить за выздоровление Никиты. Рассказал о пожаре батюшке. Знаешь, что он мне ответил?

– Что? – встрепенулась Люська.

– Не грехи, и всё у тебя будет хорошо.

– Не поняла, – растерянно и даже как-то обиженно произнесла Люська. – А что же другие? Они не воровали что ли? У них-то, почему ничего не сгорело?

– Во-во. Я то же самое у него спросил. Так он мне говорит: «Человек живёт свою собственную жизнь, и отвечать будет за свои грехи, а не за чужие.»

– Правильно всё. – вступила в разговор подошедшая Варя. – У меня всегда было какое-то чувство стыда, когда строили эту баню. Только со временем утихло. Ко всему привыкает человек, даже ко злу, которое творит. Иль не обошлись бы без неё? – спросила Варя и заплакала.

– Успокойся, Варя. Слезам горю не поможешь. Жить надо дальше. Детей растить.

– Да как растить-то без мужа? Как я с этой оравой одна

справлюсь? – утирая слёзы, спросила Варя.

– Ну, почему же одна? А мы с женой? Выдюжим, Варя. Вместе выдюжим. – успокоил её Семён, заканчивая разговор. Он повернулся, собираясь уходить, но Варя остановила его:

– Постой Семён. Мы тут Шмака нашли. Что с трупом делать будем? Похоронить ведь надо.

– Обязательно. – согласился Семён. – Я этим займусь сам.

Позвав старшего сына Аркадия, он вместе с ним пошёл в мастерскую. Через некоторое время Аркадий стал копать во дворе, недалеко от забора, прямо напротив входной двери, яму. Вскоре подошёл Семён, неся небольшой свежеструганый православный крест. Передав крест сыну, Семён зашёл домой, и взяв Библию, вышел во двор. Позвал своих и Варю с детьми. Варя принесла всё также завернутый в простыню трупик Шмака. Трупик положили в яму и закопали. Когда Семён стал устанавливать крест, всполошилась Люська:

– Сдурел что ли совсем? Человек что ли?

Семён повернул голову к жене. Увидев его взгляд, расплавленная было от негодования Люська осеклась. Установив крест, Семён спросил у жены:

– Ты мне можешь назвать людей, которые поступили бы как он?

Люська промолчала.

– То-то. – отрезал Семён. Затем, взяв в руки Библию, он

обратился к женщинам и детям:

– Послушайте, что сказал Господь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Он, хоть и собака, но поступил по закону Божьему, потому и крест ему ставим, как рабу Божьему, в пример и напоминание себе и другим. Не лаял бестолково и беспричинно на весь свет, а тихо делал своё дело. Так и мы жить должны – не балаболить, а трудиться. – Закончил Семён. Все, включая малышей, серьёзно и внимательно слушали Семёна.

Ещё один жизненный опыт, который должны будут усвоить эти люди и передать его, Бог даст, будущим поколениям. А, если вдруг сами забудут, или потомкам своим не передадут, то несчастья не заставят себя долго ждать. От беспамятства несчастья наши.

Человек человеку – волк

Повесть

«А какая молва может быть постыднее той, которая приписывает кому-нибудь большую любовь к деньгам, чем к друзьям?» (Платон. «Апология Сократа. Кретон.» 392г. д.н.э.)

Глава 1

Ну что за жизнь у старой девы? Прямо скажем – не жизнь, а одно название. Какая–то скучно безрадостная, уныло беспробудная попытка в ежедневной суете найти хоть какой-то смысл жизни. И всё, что мирило её с этой жизнью, это тайная надежда, в которой она не признавалась даже самой себе, как-то всё-таки устроить свою семейную жизнь. Хотя и эта надежда со временем поистрепалась и мало–помалу трансформировалась в неосознанное ожидание смерти. У Арины Родионовны к 40 годам её жизни не было ничего, что могло бы удовлетворить её тайное желание, да, впрочем, и не ожидалось. Извелись прынцы. Пообтрепались. Поусохли. И если бы не её любовь к русской литературе и учительство, то и вовсе, хоть головой в петлю. И горечь одиночества, разбавляемая по вечерам верными друзьями: Пушкиным, Блоком, Тютчевым, Цветаевой и многими другими, становилась не так уж горька. Тем более что недостатка в друзьях у неё не ощущалось. Они не покинут её! Тем более такие, которые заранее сделали всё, за что бы их любили и более от них ничего и не требовали. Арина и не требовала. Она соперничала с ними их страсти и мучения, их горести и радости, и от этого её жизнь наполнялась хоть каким–то смыслом. Не было вечера, чтобы после ужина и подготовки к следующему рабочему дню, Арина не забиралась вечером на огром-

ный старинный сундук и, поджав ноги, не предавалась чтению любимых поэтов. Музыка слов, глубина мысли и чувств, приводили её в состояние блаженства. Именно этот сундук и послужил началом истории, которую я хочу вам рассказать.

Однажды вечером, забираясь на сундук, чтобы, как обычно, заняться своим любимым чтением, Арина услышала жалобный скрип. Она не поверила ушам своим и слезла с сундука, желая проверить, не ослышалась ли. Забираясь вновь, поняла, что не ошиблась. Скрип повторился. Этот сундук был семейной реликвией и уже не одно поколение переходил из рук в руки. Он был чем-то незыблемым. Каким-то символом и гарантом благополучия в доме. Арина запаниковала. Всплеснув руками, воскликнула: "Господи! Горе—то какое!" — и помчалась к своей соседке и наперснице Варваре. Звонок в столь поздний час не удивил Варвару и она, не раздумывая, открыла дверь:

— Ну, чего тебе? — недовольно спросила она.

— Варюша! Милая! Горе—то какое! — чуть не плача проговорила Арина.

— Да что за горе? Говори толком! — перебила её Варвара.

— Су-у-у-нду-у-к... — заканючила по-младенчески Арина. Её лицо собралось в гармошку, и глаза наполнились готовыми пролиться слезами.

— Цыть! — шикнула Варя. Её до ужаса раздражала интеллигентская беспомощность Арины и плаксивость:

— Что ещё за новости? Говори толком!

– Пойдём! – позвала Арина. – Пойдём! Сама всё увидишь, – сказала она, увлекая за собой Варю.

– Ну и что? – спросила Варя, зайдя в кухню.

– Как что? – недоумённо спросила Арина. – Как что? – уже возмутилась она.

– Что случилось-то?

– А вот! – показала Арина на сундук. – Не видишь что ли?

– Да что видеть-то?

– Как это что? – удивлённо спросила Арина. Спohватившись и вспомнив, что Варя ничего не слышала, стала взбираться на сундук. Сундук исправно скрипнул, чем почему-то обрадовал Арину.

– Слышала? – спросила Арина. – Ты слышала?

– Ну и что? – опять спросила Варя.

– Да ты что, издеваешься? Скрипит ведь! – не на шутку рассердилась Арина.

– Ну и пусть скрипит, – невозмутимо отрезала Варя, собираясь уходить.

– Как это пусть скрипит? Он ведь заболел, Варя! Он заболел и ему срочно нужна помощь, а я не знаю, как ему помочь, – беспомощно развела руками Арина.

– И это всё твоё горе? – саркастически спросила Варя.

– Всё, – ответила Арина.

– Мастера вызови, дурында!

– Да где же я его возьму, мастера? – не обидевшись, спросила Арина.

– У тебя справочник телефонный есть?

– Есть.

– Открой справочник. Найди номер телефона «Дома быта»! Позвони диспетчеру и вызови мастера–столяра! Понятно?

– Щас, – обрадовалась Арина и, схватив справочник, стала искать номер телефона.

– О-О-О! – взвыла Варя. – Утром звони. Утром. Сейчас все нормальные люди уже спят.

– Утром? – не сразу сообразила Арина. – Ну да, конечно же, утром. Что это я?

– Всё теперь понятно? – спросила Варя, собираясь уходить.

– Всё, – благодарно кивнула Арина.

– Ну, тогда спокойной ночи, – попрощалась Варвара и пошла домой.

– Варь! – остановила её Арине. – А вдруг заломит?

– Кто заломит?

– Мастер. Кто же ещё?

– А ты по-русски расплатись.

– Как это?

– Бутылочку купи. Стол накрой. Как только разомлеет, так и про цену поговорите. Ясно?

– Угу, – кивнула Арина. – А вдруг приставать начнёт?

– Кто?

– Мастер. Выпьет, и приставать начнёт.

– Тем лучше. Натурой рассчитаешься, – расхохоталась Варя.

– Да ну тебя! – засмушалась Арина.

– Может, чайку попьём? – спросила вдруг Варя. – У меня баночка твоего любимого клубничного осталась.

– Ну что ты, Варя? Зачем? Да и Виктор, наверное, уже спать лёг.

– Как же. Ляжет он. Футбол сегодня в два часа ночи. Так что, считай, до утра спать не придётся.

– Ну, если только чашечку, – согласилась Арина.

– Не жеманничай. Знаю я твою чашечку, – сказала Варя, и они пошли пить чай.

Глава 2

Утром, едва большие настенные часы пробили девять, Арина набрала номер телефона диспетчера «Дома быта». Проблем с вызовом мастера никаких не было, и она договорилась, что будет ожидать мастера после 18.00.

Рабочий день Арины пролетел как в тумане. Мысль о том, что к ней придёт незнакомый человек, будоражила её и делала рассеянной. Арина была на редкость невнимательна. Она забыла спросить, что надо покупать в таких случаях и мучилась из-за этого. Да и сама по себе встреча гостя была для Арины проблемой, ибо она никогда в жизни не принимала гостей. Те времена, когда к её родителям приходили друзья, давно канули в Лету, а после их смерти она никогда не сходилась с людьми настолько близко, чтобы приглашать их к себе.

После уроков пошла по магазинам. Протолкавшись более двух часов в очередях, не обладая опытом в таких делах, скорее интуитивно приобрела всё необходимое и заторопилась домой. Вернувшись, нарезала колбасу и сыр, разложив их по тарелкам, и вместе с бутылкой хорошего коньяка загрузила всё это нехитрое угощение в холодильник. Ровно в 18.00 раздался звонок в дверь. Арина вздрогнула и почему-то не решилась открыть. Звонок зазвенел вновь. На этот раз более настойчиво. Спихватилась и бросилась к двери. Пово-

жившись с замком, наконец-то, открыла дверь и замерла. Перед дверью, почти полностью закрывая дверной проём, стоял огромный мужчина. Огромность его настолько поразила Арину, что так и стояла, открыв рот и вытаращив глаза.

– Мастера вызывали? – спросил мужчина.

– Да, да! Конечно. Вызывала. Это я вызывала, – совсем разволновалась Арина.

– И что ж, мы так и будем в дверях стоять? – спросил мастер.

– Ой, что это я? – спохватилась Арина. – Проходите, пожалуйста. Я вас очень ждала.

Мужчина зашел в квартиру и как-то сразу заполнил собой всё пространство прихожей.

– Разувайтесь, пожалуйста. У меня, знаете ли, убирать некому, так что не обессудьте, – извинилась она.

Мужчина, ничего не сказав, снял туфли и прошёл в кухню вслед за Ариной.

– Вот, – сказала Арина, показывая на сундук. – Требуется срочная медицинская помощь, – попыталась пошутить она.

– И что же с больным? – усмехнувшись, спросил мастер.

– А вы сами послушайте, – засуетилась она и полезла на сундук, который исправно закрипел. – Слышали?

– Слышал, – кивнул мастер. – Накидки уберите, – попросил он Арину.

Арина выполнила просьбу, и мастер ахнул:

– Красавец-то какой! Где вы такой достали?

– Ну, что вы! Что вы! – замахала руками Арина. – Нигде я его не доставала. Он у нас уже лет сто пятьдесят, не меньше. И сколько я его помню, он никогда не скрипел. А вчера вот начал. И я испугалась.

– Чего испугались?

– Не знаю, – призналась Арина.

Мастер усмехнулся и принялся осматривать сундук.

– Вас звать-то как? – вдруг спросил он.

– Арина, – просто ответила она и поправилась, – Арина Родионовна.

– Вот тебе и на! Арина Родионовна! – изумился мастер. – Знаменитое имя.

– Это родители... – начала было почему-то оправдываться Арина.

– Да вы не смущайтесь, – прервал её мастер. – У меня имя ещё знаменитей.

– То есть?

– Александр Васильевич.

– И что же тут знаменитого?

– Александр Васильевич Суворов.

– Да что вы говорите? Быть не может!

– Ну, почему же не может? – улыбнулся мастер. – Может! Мне, Арина Родионовна, нужно свободное пространство. Хочу выдвинуть сундук на середину и осмотреть его со всех сторон. Не подскажите, куда можно убрать эту мебель?

– А что же здесь подсказывать? В зал вынесем, – сказала Арина и схватила два стула. Последним вынесли стол, после чего мастер попросил оставить его на полчаса. Арина подчинилась и в течение сорока минут ожидала в зале под стук молотка и жужжание дрели. Наконец, шум прекратился, и мастер пригласил Арину:

– Болезнь оказалась незапущенной, Арина Родионовна. Больной в полном здравии, – по-военному доложил он.

– Серьёзно? – обрадовалась Арина. Она забралась на сундук и, не услышав скрипа, счастливо улыбнулась: – Вот, спасибо вам, Александр Васильевич. Вы даже не представляете себе, как вы меня выручили.

– Ну, что вы, – смущённо произнёс столяр. – Всего-то несколько заклёпок и надо было поменять. Могли бы и мужу поручить.

– А я не замужем, – призналась Арина.

– Простите, не знал, – совершенно смутился гигант.

– За что же прощать? Не такая уж это и редкость сорокалетняя незамужняя женщина. Да что это я глупости говорю? Давайте-ка всё на место поставим, стол накроем и отпразднуем это событие.

– Какое же это события? Это просто работа.

– Вы ничего не понимаете, Александр Васильевич. Этот сундук – мой самый близкий друг. Так что его выздоровление для меня – действительно большое событие, – пояснила Арина.

– Ну, коли так, то давайте. Только я не употребляю, – предупредил он.

– Я тоже, – удивилась Арина. – И всё-таки давайте стол накроем, а потом уж и посмотрим, что будем делать. Договорились?

– Давайте, – согласился мастер.

Через десять минут стол был накрыт. Бутылка коньяка украшала середину стола.

– Ну? И что же мы будем с ней делать? – спросила Арина. – Вы уж простите меня. Я врать совсем не умею. Это соседка насоветовала мне купить спиртное. Сказала, что это будет по-русски, да и денег в таком случае придётся платить меньше.

Александр Васильевич, выслушав это бесхитрое объяснение, рассмеялся:

– Мудрый совет. Ничего не скажешь. Но, если уж двое непьющих собрались по столь серьёзному поводу, то греха большого не будет, я думаю, если мы один раз изменим своим принципам. Как считаете?

– Почему бы и нет? Командуйте! – воскликнула Арина.

Александр Васильевич взял бутылку в руки, повертел её, разглядывая красочную этикетку, и, отвинтив пробку, разлил коньяк по рюмкам.

– Ну и за что же мы будем пить? – спросил он Арину.

– Как за что? За выздоровление моего друга. За встречу. За знакомство. Да мало ли за что можно выпить? И давайте

за тамаду буду я. Согласны?

– Согласен, – кивнул мастер.

– В таком случае я хочу поднять этот бокал за русских мастеров. За тех, кто изготовил этот прекрасный сундук, служивший верой и правдой уже более ста пятидесяти лет и за того, кто пришёл и своими золотыми руками продлил ему жизнь! За мастеров своего дела! – провозгласила она, чокнулась с Александром Васильевичем и, закрыв глаза, одним махом выпила коньяк. Резкая и не очень приятная на вкус жидкость обожгла рот и перехватила дыхание. Арина хотела вздохнуть, но никак не могла этого сделать. Из глаз непроизвольно потекли слёзы. Открыв рот, замахала рукой, призывая на помощь. Мастер подцепил вилкой дольку лимона и, поднеся её, посоветовал:

– Сначала выдохните, а потом понюхайте лимон.

Арина так и сделала. Дыхание восстановилось. Достала носовой платок, вытерла слёзы и виновато улыбнулась:

– Извините, Александр Васильевич. Не думала, что первый урок будет таким трудным.

– Ну что вы, Арина Родионовна. Лиха беда начало. Я ведь этим делом и не увлекался даже, а попросту пьянствовал. Причём беспробудно. Но вот уже лет восемь как не пью совсем. Да вы закусывайте. Не ровен час, опьянеете с непривычки, скандалить начнёте, посуду бить, – пошутил Александр Васильевич.

– Да ну вас, Александр Васильевич, – застеснялась Ари-

на. – Вы на меня-то не смотрите. Кушайте, пожалуйста.

Мастер кивнул и принялся с аппетитом закусывать. Утолив первый голод, Александр Васильевич, взяв в руки бутылку, вопросительно посмотрел на Арину:

– Что скажет тамада?

– Наливайте, Александр Васильевич! – расхрабрилась Арина. – Мы же с вами договорились, что на сегодня все принципы долой. Так что не раздумывайте.

За едой, шутками, рассказами о своей жизни, они и не заметили, как возникла взаимная симпатия, а вместе с этим закончился коньяк. Арина приготовила кофе, убрала со стола и потекла душевная беседа. Беседа двух совершенно незнакомых друг другу людей, которым просто не с кем было поделиться наболевшим. И начал её Александр Васильевич. Он поведал Арине о том, как женился, как родился у него сын, как жена с сыном погибли в автокатастрофе, как, забыв от горя всё на свете, он запил и пропил всё, что у него было, как, будучи пьяным, избил четверых грабителей, пожелавших поживиться за его счёт, как попал за это под суд и был условно осуждён, как после суда дал себе зарок не пить и вот уже восемь лет, как не брал и капли спиртного в рот, как живёт один в неудобной двухкомнатной квартире и ничего хорошего от жизни не ожидает. Арина, чувствуя за невысказанными словами беспредельное щемящее одиночество, поразилась нахлынувшей на неё жалости к этому огромному, но не очень счастливому человеку.

– А знаете что, Александр Васильевич? – сказала вдруг Арина и, не дожидаясь ответа, будто бросившись с обрыва, предложила:

– Давайте-ка жить вместе.

– Не понял, – опешил гигант. – Как это вместе?

– Просто. Берите всё самое необходимое и переезжайте ко мне, – пояснила Арина.

– Да вы что, Арина Родионовна. Мы ведь совсем не знаем друг друга. Да и что люди скажут?

– Да Бог сними, с людьми. Какая разница кто и что скажет? Неужели вы всерьёз думаете, что кому-нибудь до нас с вами есть хоть какое-то дело? Или, по-вашему, лучше вот так и прожить жизнь в одиночестве? – с жаром произнесла Арина. – А если вы так уж боитесь людской молвы, то мы с вами и поженимся, – сказала она и добавила:

– Прямо сегодня.

– Не знаю даже, что и сказать, – засомневался Суворов. – Дело–то больно серьёзное. Тут спешить никак нельзя.

– Александр Васильевич, дорогой мой! – продолжала настаивать Арина. – Нам уже по сорок. Мы оба совершенно одиноки. Жить-то осталось чуть-чуть. Так что же ждать? Нет у нас на это времени. А самое главное, что мы оставим после себя? Пустые запylённые квартиры?

Мысль о том, что этому одинокому гиганту необходима помощь и только она в силах оказать эту помощь, настолько захватила её, что Арина приводила всё новые и новые до-

воды, и неподдельная убеждённость в том, что только так и надо поступить, совершенно обескуражили Суворова, который, не выдержав столь бурного напора Арины, махнул рукой и решил:

– Была не была, Арина Родионовна! – согласился он. – Поеду за вещами.

– Вот и правильно, Александр Васильевич! Забирайте ваши вещи! Закрывайте квартиру и ко мне! И знаете ещё что? – добавила она. – Мы сегодня же и свадьбу устроим.

– Свадьбу? – усомнился Суворов.

– А что? Всё очень просто. Позовём Варю с Виктором и отпразднуем рождение новой семьи. И по обычаю положено, и чтобы злые языки зря не трепали. Успеете за час обернуться?

– Постараюсь, но не обещаю.

– Ну, вот и ладно. Вот и договорились. А теперь, в путь! А я тут пока хозяйством займусь, – подвела итог Арина и закрыла за ним дверь. Постояв с минуту и поразмыслив, она отправилась к Варваре.

– Варя! У тебя водка есть? – не поздоровавшись, спросила она.

– В штопор вошла? – ухмыльнулась Варя.

– В какой ещё штопор? – не поняла Арина.

– В запой, в какой ещё штопор, – передразнила Варя Ари-ну. – Одной бутылки не хватило?

– Ну что ты, Варя. Ничего ты не понимаешь. Свадьба у

меня.

– Какая ещё свадьба?

– Обыкновенная. Как у всех.

– И кто же суженный?

– Александр Васильевич Суворов.

– Тот самый, что под Полтавой?

– Не смейся, Варя. Я серьёзно. Так зовут мастера, который приходил ко мне чинить сундук.

– Подожди. Я градусник принесу.

– Варя! – рассердилась Арина.

– Ты не шутишь?

– Нисколько.

– Ясно, – кивнула Варя и закричала, повернувшись в квартиру:

– Витя! Вить! Иди-ка сюда. Полюбуйся на это чудо.

– Ну что тут у вас? – спросил муж Вари.

– Во! – Показала Варвара на Арину. – Предложила я вчера рассчитаться с мастером натурой, чтобы на деньгах сэкономить, так она в трудовом порыве не только решила сдать себя в полную эксплуатацию, но и присовокупить к этому свою двухкомнатную квартиру.

– Как это? – не понял Виктор.

– Очень просто. Замуж говорит за мастера выходит.

– Ну и правильно, – одобрил Виктор.

– Да что ж тут правильного? Она ведь его чуть больше двух часов знает.

– И что из этого следует?

– Как что? Да разве нормальные люди так поступают?

– Нормальные люди, Варя, вытворяют порой такое, что ни одному сумасшедшему и в голову не придёт. А то, что всего два часа знакомы, даже и хорошо. Чем меньше знакомы, тем позже надоедят друг другу. У тебя проблемы? – обратился он к Арине.

– Да, Витя. Решили свадьбу устроить, чтобы как у нормальных людей, а ни шампанского, ни чего другого нет, – начала объяснять Арина.

– Вот видишь! – прервал её Виктор. – И свадьба, и всё как у людей. Так что открывай жёнушка закрома. Не каждый день твоя лучшая подруга выходит замуж.

– А ну вас. Спятели совсем! – махнула рукой Варвара и пошла на кухню. Свадьбу справили хоть и негромкую, но очень весёлую, с многочисленными пожеланиями и даже с цветами, которые где-то по дороге купил Суворов. Александр Васильевич очень понравился Варе и Виктору своей простотой и основательностью, и уже через час всем казалось, что они знают друг друга долгие годы.

Так и началась совместная жизнь Арины Родионовны и Александра Васильевича. Через год у них родился сынишка, которого по настоянию Арины нарекли Родионом в честь деда. Мальчик родился очень крупным и, с первого взгляда, было видно, что Родион – весь в отца. Родька рос подвижным, весёлым и любознательным, но в то же время и очень

послушным мальчиком. Согласие в семье Суворовых было почти идеальное и Арина, радуясь невесть откуда взявшемуся счастьем, иногда украдкой крестилась, боясь сглазить. Александр Васильевич в сыне души не чаял. Все вечера они проводили вместе. С четырёх лет отец начал знакомить сына с ремеслом столяра, и, поскольку мастер он был отменный, и терпения у него было, хоть отбавляй, через год Родька уже уверенно держал в руках и молоток, и стамеску. И мелкий ремонт по дому Арина, не беспокоясь за качество, могла доверить сыну. Так они и жили.

Глава 3

Зима на шестом году жизни Родьки выдалась на редкость суровой. С начала ноября пошёл первый снег, да так и не растаял. К Новому Году вроде бы потеплело, но с Рождества морозы ударили с прежней силой. В тот злополучный день Арина, как обычно, забрала Родьку из садика и вернулась с ним домой. Звонок раздался чуть ли не сразу после прихода. Открыла дверь и с удивлением уставилась на милиционера стоящего перед ней. – Вам кого? – спросила она.

– Суворовы здесь проживают? – спросил милиционер.

– Здесь, – начиная беспокоиться, ответила Арина.

– Суворов Александр Васильевич вам кем приходится?

– Муж, – ответила Арина, и предчувствие несчастья охватило её. – Да что случилось–то?

– Вам надо проехать со мной на опознание, – сказал сержант, как бы не замечая вопроса Арины.

– Куда поехать? На какое опознание? – прошептала вконец испуганная Арина.

– В морг. Мужчину сбила машина. При нём найден паспорт на имя Александра Васильевича Суворова. Вам надо поехать в морг и опознать его.

– Да что вы говорите такое? Сашу опознать? Да что же это я Сашу не узнаю, что ли? – с испугом и одновременно с надеждой глядя на сержанта, спрашивала Арина. – А почему

в морг?

– Потому что он погиб, – опустил голову, сообщил ей милиционер.

– Вы шутите, да? – обратилась она к сержанту. Затем повернулась к Родьке:

– Дяденька шутит, сынок.

– Какие уж тут шутки, гражданка? – вздохнув, произнёс сержант. – В общем, я вас в машине подожду. Не задерживайтесь.

– Да. Конечно, – кивнула Арина, закрыла дверь и, прислонившись к стене, сползла вниз, сев на пол и уставившись в пустоту. Ничего не понявший Родька с испугом смотрел на мать. Слезы невольно заполнили глаза малыша и он, чуть не плача, стал толкать мать в плечо:

– Ты чего, мам? Ты чего?

Арина, никак не отреагировав на слова сына, продолжала безжизненно смотреть в стену и, только когда Родька заплакал и принялся трясти мать, она очнулась, прижала сына к себе и зашептала:

– Ну что ты, сынок? Ну, зачем же так? Всё будет хорошо. Ну, успокойся, – уговаривала Арина малыша. Затем спохватилась:

– Что ж это мы с тобой, сынок? Нас ведь ждут, а мы расселись. Ну-ка, пошли быстренько, – сказала Арина и, утерев сыну слёзы, вышла вместе с ним из дома.

До морга доехали в молчании. Зайдя вместе с сержантом

и каким-то гражданским мужчиной в морг, Арина оставила сына у охранника и последовала за ними в комнату, посередине которой стояла медицинская каталка с телом, накрытым простынёй.

– Подойдите сюда, гражданка Суворова, – попросил её гражданский. – Вы можете подтвердить, что это – Суворов Александр Васильевич? – Спросил он у Арины и приподнял простыню. Увидев родное, спокойное, с улыбкой на губах лицо мужа, Арина с надеждой в голосе обратилась к мужчине:

– А может он не умер?

– Да что же вы, в самом деле? – рассердился мужчина. – Думаете, мы живого от мёртвого не можем отличить?

– Да, конечно. Извините. Это я так, знаете ли... – испуганно отшатнулась Арина.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Ах, да. Конечно, это Суворов Александр Васильевич. Это Сашенька, – выдохнула Арина.

– В таком случае распишитесь здесь и здесь, – указал мужчина. – И можете быть свободны.

Арина расписалась и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Взяв сына за руку, вместе с ним вышла из морга, и они побрели домой. Зайдя в квартиру, Арина раздела сына, прошла в кухню и села на стул. Да так и осталась сидеть, молча и безжизненно. Родька, чувствуя, что произошло что-то страшное и, не решаясь побеспокоить мать, открыл дверь и

постучался к соседям. Открыла Варвара.

– Ты чего, Родька? – спросила она у мальчика.

– Мама... Там.. – со слезами в голосе пояснил Родька и махнул ручонкой в сторону квартиры. Варвара бросилась в квартиру.

Увидев сидящую в кухне подругу, полностью одетую и совершенно безжизненную, Варя не на шутку испугалась:

– Арина! Что случилось? – спросила она и, не дождавись ответа, потрясла её за плечо. – Да не молчи ты! Ответить что ли не можешь?

– Саша, – отозвалась, наконец, Арина. – Саша в морге. Мы оттуда.

– Да что ты говоришь, Арина. В каком морге? – опешила Варя и уставилась на подругу. – Как? Почему?

– Пошла ты к чёрту! – с ненавистью в голосе оборвала её Арина.

Варя онемела. За всё их многолетнее знакомство это была первая грубость, которую Варя от неё услышала. И только теперь до неё дошло, что случилось несчастье. Несчастье огромное и непоправимое. Вдохнув полную грудь воздуха, Варвара во весь голос по-бабьи заголосила:

– Люди добрые! Да что же это делается? Да за что же горе такое на нашу голову? – завывала она и прижала к себе испуганного и плачущего Родьку. – Сиротинушка ты наш! – Продолжала голосить Варя. На шум прибежал Виктор:

– Вы что тут сдурели все?

– Саша умер, – только и смогла вымолвить жена и вновь стала причитать.

– Когда? Почему? – пытался дознаться у жены Виктор.

– Да не знаю я! – в сердцах ответила она.

– Арина! Что случилось? – обратился он к соседке.

– Уйдите вы все от меня! – ответила Арина и так посмотрела на Виктора, что он не решился повторить свой вопрос.

– Варвара! – обратился он к жене. – Забирай-ка Родьку к нам. Успокой, накорми и уложи спать. Ни к чему мальчишке всё это видеть. Пусть Арина одна побудет! – сказал Виктор и пошёл вслед за женой.

О том, что произошло, узнали только на утро. Подготовку к похоронам взял на себя Виктор. Соседи прекрасно знали могучего и безотказного добряка Суворова и помогали Виктору кто чем мог. Тем временем Арина так и сидела на кухне. И ни Варвара, ни Виктор, ни Родька не могли вывести её из оцепенения. Было такое впечатление, что на кухне находилось одно тело Арины, а душа её страдала отдельно, где-то в неведомом никому месте. Похороны были назначены через три дня после смерти. Виктор очень торопился побыстрее закончить со всем этим, так как серьёзно опасался, что Арина просто – на просто сойдёт с ума. К одиннадцати часам утра во дворе стал собираться народ. Виктор с соседями поехал на похоронном автобусе за телом. Во дворе выставили две табуретки, на которые и поставили открытый гроб для прощания с теми, кто не поедет на кладбище. Оркестр играл

похоронный марш. Варвара вывела окаменевшую Арину и встала вместе с ней в изголовье гроба. Затем по указанию Виктора гроб накрыли крышкой и поставили его в автобус. На кладбище, где уже ожидал священник, приехали минут через сорок. Отпевание прошло в скорбном молчании. Последнее слово вслед за батюшкой произнёс и Виктор.

По обычаю с усопшим должны были проститься, прежде всего, близкие родственники, но Арина так и осталась безучастной ко всему происходящему и никакие попытки Вари не смогли заставить её очнуться. Всё это происходило в напряжённо гнетущей тишине под перешёптывание присутствующих. И вдруг в воздухе зародился какой-то внутриутробный щемящий звук. Все нервно закрутили головами, но природу этого звука так и не смогли обнаружить. Между тем звук усиливался с каждой секундой, врываясь в души присутствующих и раздирая их своим леденящим звериным холодом. Арина, стоявшая до этого неподвижно, начала раскачиваться из стороны в сторону. Затем, как бы очнувшись и осознав происходящее, она бросилась к людям, зарывающим гроб, растолкала их и, упав на землю, принялась голыми руками выгребать из могилы мёрзлые комья земли. Копившееся где-то внутри неё горе вырвалось, наконец, наружу. Слезы потоком хлынули из её глаз и тоскливый безнадежно отчаянный крик «Са-а-а-а-ша!» разнёсся над всей территорией кладбища. Варя бросилась к подруге, пытаясь поднять её с земли, но ничего не смогла сделать. Очнувшиеся от оцепе-

нения люди пришли на помощь Варе, но и у них тоже ничего не получалось. Арина вырывалась из рук женщин и мужчин и вновь бросалась к могиле, пока, наконец, четверо мужчин не смогли оттащить её от могилы. «Зарывайте! – закричал Виктор и, взяв лопату, стал помогать работникам кладбища. Истерика Арины продолжалась до тех пор, пока её безумный взгляд не наткнулся на покинутого и забытого всеми сына. Малыш, широко открыв от страха глаза, стоял совершенно один. Дрожь сотрясала его маленькое тельце, и мокрое пятно расплывалось по его штанишкам. Взгляд Арины, до этого совершенно безумный, стал осмысленным. Она умолкла и перестала вырываться. Увидев, что она пришла в себя, мужчины отпустили её. Арина подошла к сыну, обняла его и зашептала:

– Всё будет хорошо, сынок. Всё у нас будет хорошо.

Глава 4

Так они и зажили вдвоём. Жили, конечно, трудно, так как зарплата, которую Арина получала в школе, едва хватало, чтобы сводит концы с концами. Всю свою неистраченную любовь и нежность Арина обратила на сына. Родька, лишившись с малолетства отцовского присмотра, не разбаловался и рос всё таким же послушным и любознательным. Свой интерес к дереву не утратил и уже к десяти годам настолько преуспел в этом, что мог не только самостоятельно смастерить табуретку, но и стал вырезать из дерева фигурки животных, которые раздавал всем малышам в округе. Он был не по годам развит не только умственно, но и физически. В шестом классе записался в городскую секцию бокса и уже через год стал лучшим в своей весовой категории. Попав в городскую юниорскую сборную по боксу, втайне мечтал о звании чемпиона страны.

К шестнадцати годам, благодаря постоянным занятиям спортом, Родька превратился в настоящего мужчину и стал победителем республиканских соревнований по боксу в супертяжёлом весе среди мужчин. Несмотря на молодость, пользовался большим успехом у девушек значительно старше его по возрасту. Детская стеснительность уступала место уверенности в том, что так и должно быть, и последние три месяца он встречался со своей новой пассией Светланой,

двадцатилетней белокурой красавицей. Посещение дискотек и баров являлись их основным времяпрепровождением, ибо ничего другого Светлана не признавала.

И в этот вечер договорились пойти в один из популярных баров, однако при встрече Светлана предложила пойти в гости к своим знакомым. Ехали через весь город в троллейбусе, и вышли на конечной остановке. Светлана повела Родьку за собой, свернув в один из тёмных переулков. Переулок не освещался, но она шла так уверенно, что было понятно – дорога ей хорошо знакома. Пройдя метров пятьдесят, остановились возле массивной железной двери. Светлана нажала на кнопку вызова домофона и, ответив на вопрос, вошла в открывшуюся автоматически дверь, потянув за собой Родиона. Абрис большого дома чётко выделялся на фоне звёздного неба. Поднявшись на крыльцо, Светлана открыла дверь, и они вошли внутрь. Светлых тонов прихожая сияла чистотой, хотя на дворе было дождливо и слякотно.

– Обувь снимать не надо, – сказала Светлана. – Вытри хорошенько ноги и всё, а пальто повесь сюда, – указала она на встроенный шкаф и добавила. – И за мной поухаживай, кавалер.

Из глубины дома доносилась приятная негромкая музыка. – Пошли, – сказала она, когда разделись. Свернув за угол, прошли по коридору и только тогда Родька смог по-настоящему оценить размеры дома. Дойдя до конца коридора, Светлана вновь повернула и открыла дверь, ведущую на вто-

рой этаж. Поднявшись, постучала в дверь и, получив разрешение, вошла внутрь, увлекая Родьку за собой. Открывшаяся взору Родиона комната, представляла собой большой зал, покрытый толстым ковром. Вдоль стен стояло несколько диванов, на одном из которых сидели два молодых человека спортивного телосложения. В комнате царил полумрак. В дальнем углу находился столик, рядом с которым в удобных креслах сидели ещё двое более взрослых мужчин. Светлана подвела Родьку к этому столику:

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, – сказала она. – Это мой друг Родион. Я вам рассказывала о нём.

– Здравствуйте, здравствуйте, – радушно ответил Игорь Николаевич, приятной интеллигентной наружности человек лет сорока.

– Рад познакомиться, Родион! – сказал он, однако руку по обычаю не подал. – Присаживайся, – указал на свободное кресло. – В ногах правды нет. А ты, Светик, оставь нас, пожалуйста. Мужские разговоры не для женского уха.

Светлана, не выразив неудовольствия, послушно вышла из комнаты.

– Ну, вот и хорошо, – произнёс Игорь Николаевич. – Кофе? – спросил он. – Или что-нибудь покрепче?

– Спасибо, Игорь Николаевич. Покрепче не употребляю.

Игорь Николаевич подал знак кому-то и тут же из-за спины Родиона вырос один из мужчин, сидевших у стены, с подносом в руках и поставил перед ним чашку кофе.

– С молоком? – спросил Игорь Николаевич.

– Да вы не беспокойтесь, я сам о себе позабочусь, – отозвался Родион.

– Молодец! Не люблю излишней скромности, – похвалил хозяин. – Пригласил я тебя вот по какому поводу, – продолжил он. – Я – бизнесмен. Бизнес крупный, поэтому у меня порой возникают проблемы. Чаще всего из-за того, что кто-то, не желая ударить палец о палец, хочет, тем не менее, жить безбедно. И жить он так хочет, естественно, за мой счёт. Поэтому я просто вынужден ограждать себя от подобных любителей лёгкой жизни. На государство надеяться сейчас, сам знаешь, себе дороже. Так что я беспокоюсь о своей безопасности сам. Именно поэтому я попросил Светлану пригласить тебя к себе. Человек ты хоть и молодой, но достаточно известный в городе и одно твоё имя может избавить меня от многих неприятностей. То есть, я хочу сказать, что предлагаю тебе работу в качестве моего секьюрити, то бишь моего личного телохранителя и для начала буду платить тебе пятьсот долларов в месяц. Что скажешь на это?

– Не знаю даже, Игорь Николаевич, – ответил Родион. – Предложение, конечно, заманчивое, но очень неожиданное. Я просто растерян и не знаю, что сказать. Да и преград столько, что это вряд ли осуществимо.

– Каких, например?

– Прежде всего, школа. У меня ведь выпускные экзамены.

– Это не проблема, – перебил Игорь Николаевич. – Пред-

лагаю теперь же устроить тебя на второй курс строительного техникума.

– Интересно, конечно, но тоже надо обдумать, да и с мамой посоветоваться. Но и это не всё. Я ведь не хочу бросать бокс. Как с этим быть?

– С мамой, конечно, посоветуйся. А заниматься боксом тебе ни кто не возбраняет. Более того, я настаиваю на том, чтобы ты продолжил занятия, так как твоя хорошая физическая форма и есть залог моего здоровья. Ну, что скажешь?

– Не знаю, Игорь Николаевич. Пятьсот долларов для меня деньги большие, но вот так сразу я решить не могу. Мне надо подумать.

– Что ж, подумай. Я не против. Неделю тебе хватит?

– Вполне.

– Вот и прекрасно. Но у меня есть условие. Предполагая, что ты всё-таки согласишься, я настаиваю, чтобы ты эту неделю провёл у меня дома. Пообвыкнешь к дому, с людьми познакомишься, да и здесь всё-таки намного лучше, чем болтаться по барам.

– А мама?

– С ней вопросов не будет. Скажем ей, что тебя срочно вызвали на соревнования. Согласен?

– Согласен, Игорь Николаевич.

– Ну, вот и лады, – подвёл итог хозяин и нажал кнопку, находившуюся под крышкой стола. Тут же вошла Светлана.

– Светик! – сказал Игорь Николаевич. – Можешь забирать

своего богатыря. Отдыхайте, – улыбнулся он им и, когда они уже подходили к двери, попросил Светлану пригласить Владислава. Спустившись на первый этаж, Светлана и Родион прошли по коридору до двери, из-за которой доносилась музыка. Светлана открыла дверь, и они оказались в довольно просторной комнате. Несколько пар кружились в медленном танце. Светлана, оставив Родьку одного, прошла в открытый проём двери, из которой падал свет, освещавший комнату. Через минуту она вышла вместе с хорошо знакомым Родьке человеком. Именно у него и отобрал Родион звание чемпиона области. Увидев Бирюкова, Родька радостно приветствовал его:

– Здорово, Влад! – сказал он Бирюкову, протягивая ему для приветствия руку. – Вот уж не думал тебя здесь встретить.

– Что же тут удивительного? – спросил Владислав. – Лучшие люди должны быть вместе. Я давно работаю у Игоря Николаевича. Как видно мы стали коллегами?

– Да нет пока. – опроверг его Родька. – Я ещё не дал согласия. Неделя на раздумье. Слушай. – обратился он к Владу. – Мне говорили, что ты в охранниках у какого-то уголовного авторитета. Вроде бы Ферзя. Ты что же сменил работу?

– Ну что ты. Разве такую работу меняют? – улыбнулся Влад. Как работал, так и работаю.

– Значит, Игорь Николаевич и есть тот самый Ферзь? – удивлённо спросил Родька.

– А ты что же не знал? – в свою очередь удивился Влад.

– Нет. – Откровенно признался Родион.

– Ладно, Родя. Потом поговорим. Игорь Николаевич ждёт. Хорошо?

– Конечно. – задумчиво согласился Родион. А задуматься ему было над чем. Родька прекрасно знал, что основной статьёй дохода были не предприятия и магазины, а наркотики. Он уже не раз гонял парней, пытавшихся продавать наркотики в его школе, и вроде бы всех отвадил. Не с этим ли связано желание Ферзя пригласить его на работу?

Разговор, происходивший в это время этажом выше, полностью подтверждал его догадки:

– Ну что скажешь? – спросил Ферзь у Влада.

– Парень он крепкий, Игорь Николаевич, но торопиться я бы не стал. Помните, что он с Воробьём за ханку сделал?

– Как же не помнить? – согласился Ферзь. – Делай, что хочешь, но надо либо уговорить его принять моё предложение, либо любым способом убрать его из моего района. А лучше всего, посадить его на иглу. Убытки от его донкихотства буду компенсировать за твой счёт, – пригрозил Ферзь.

– Я постараюсь, Игорь Николаевич.

– Не стараться надо, Влад, а сделать. Понятно?

– Понятно.

– Вот так–то лучше.

Глава 5

Получив задание Ферзя, Влад спустился вниз. Решил не откладывать дела в долгий ящик и сегодня же выяснить намерения Родьки. Подойдя к танцующим, позвал Родиона и Светлану в кухню. Прекрасно обставленная кухня поразила Родьку.

Он остановился и с любопытством разглядывал её.

– Ну что остановился? – спросил Влад. – Проходи, не стесняйся.

– Да я и не стесняюсь. – ответил Родион и прошёл в кухню.

– Что будем пить? – спросил он скорее у Родьки, нежели у Светланы, но та отозвалась первой:

– Мне мартини.

– А тебе? – спросил Влад у Родьки.

– Я не пью, ты же знаешь. – ответил Родион.

– Да брось ты, Род. Серьёзных соревнований, насколько мне известно, в ближайшие полгода не предвидится, так что нечего форму беречь. Или может мама не разрешает? – улыбнувшись, спросил Влад.

– А причём здесь мама? – невольно покраснев, спросил Родька. – Не хочу и всё.

– Ну, уж нет! – вступила в разговор Светлана. – Так дело не пойдёт. Мы напьёмся, а ты один будешь трезвый? Или присоединяйся, или пошли домой баиньки.

– Если честно признаться, я ещё ни разу в жизни не пил.

– О-о-о! – взревели в один голос Влад и Светлана. – Тем более стоит выпить. Надо же когда-то начинать.

Влад взял какую-то красочную бутылку и налил полную рюмку.

– Первую до дна! – сказал Влад, протягивая его Родьке. Родька под пристальными взглядами Влада и Светланы героически выпил всё содержимое.

– Молодец! – с уважением в голосе похвалил Влад. – Закусывай, давай.

Родька между тем никак не мог вдохнуть и по этой причине отвернулся от Влада. Движение вернуло ему возможность дышать, и вместе с первым вздохом он почувствовал, как жгучий радостный огонь стал разливаться по его телу.

– Не так уж и страшно, – резюмировал свой первый опыт Родька. – Даже приятно.

– А ты отказывался, – укорил его Влад. – Ладно, Светик. Пойди-ка, потанцуй пока одна, а мы тут с Родом поболтаем о том, о сём. Светлана беспрекословно подчинилась.

– Ну что скажешь? – спросил Влад.

– Ты о чём? – не понял Родька.

– Насчёт предложения Ферзя.

– Пока не знаю, но, откровенно говоря, не хочу участвовать в грязных делах.

– В каких именно?

– Хотя бы в торговле наркотиками.

– Неужели жалость пробрала?

– А хотя бы и жалость, тебе-то что?

– Я тебя просто не понимаю. А чем же наркотики хуже, допустим, водки? Или ты не знаешь, сколько людей она сгубила?

– Я не знаю, чем хуже, но хуже и всё тут.

– А я могу тебе объяснить, в чём здесь причина. Хуже тем, что контроль над реализацией наркотиков находится не в руках государства, а в руках отдельных лиц, которые, получая прибыль, не делятся ею с государством. Вот и вся причина, почему государство так рьяно борется с наркотиками.

– Я не об этом. Я хочу сказать, что мне жаль отдельно взятого человека, его родителей, его друзей.

– Странная, знаешь ли, логика. Кто насильно заставляет людей пить водку?

– Никто.

– А принимать наркотики?

– Тоже никто.

– Тогда в чём же логика? Если бы кого-то насильно заставляли принимать наркотики, я был бы полностью на твоей стороне.

Но ведь этого нет и в помине. Это личный выбор каждого. И ещё. Ты, когда выходишь на ринг, думаешь о родителях, друзьях, да и о самом противнике? Тебе жалко их?

– Это совсем не то.

– Как же не то? Одни сильные, а другие слабые. Одни ра-

ботають, а другие ленятся. И никто, заметь, никто не запрещает им быть сильными. Никто не запрещает им работать в поте лица, но они этого не хотят. Понимаешь? Они просто этого не хотят. Они хотят вечного праздника, не ударяя палец о палец. И они получают то, что хотят. Они живут в своих заблуждениях и счастливы. Почему я или ты должны лишать их этого праздника?

– Не знаю, – в замешательстве ответил Родька. Он понимал, что что-то в рассуждениях Влада не так, но, что именно, не давал понять не только выпитый виски, но и недостаток аргументов.

– Это совсем не то, – повторил Родька.

– Ошибаешься, дружок. Когда мы своими кувалдами вышибаем сопернику мозги, мы преследуем одну цель – добиться победы. И нам совершенно наплевать на то, что ждёт соперника в случае поражения.

– Нет, Влад. Проблема совершенно в другом.

– Да как же в другом? Именно в этом и есть суть всей проблемы. Ты никак не хочешь признать тот факт, что человек человеку не друг, а враг, потому что тебя всю жизнь учили обратному. Однако жизнь показывает, что если ты будешь исходить из позиции добра, то тебя, в конечном счёте, и обманут, и предадут, и просто растопчут. Ради чего? Да ради того, чтобы съесть тот кусок мяса, который предназначался для тебя. Жизнь человека мало отличается от жизни животного. И где ты видел, чтобы среди животных хилый и слабый

получал равную долю со всеми? Если ты умён и силён, то и получаешь все привилегии, какие сможешь взять. Если же ты слаб и труслив, то сиди и не рыпайся. Вот и весь закон жизни. Возражения есть?

– Конечно, есть. Прежде всего, человека невозможно сравнивать с животным.

– Это почему же?

– Потому что нашими поступками движут не желание есть, пить и ненавидеть себе подобных, а честь, любовь и совесть, которая, как известно, у животных отсутствует.

– Идеалист ты, Род. Ты в жизни часто сталкивался со всем, что ты сейчас перечислил? Я, например, нет. Всё это в книгах и в кино. А в жизни та же самая борьба за выживание. И всё о чём ты говорил, не правило, а исключение.

– А я и хочу быть этим исключением. Я не хочу быть таким как все. Я хочу быть самим собой. Поэтому, прежде чем принять или не принять предложение, я должен подумать.

– Ну, что ж, думай. Только смотри, не ошибись в выборе.

– Постараюсь. – кивнул Родион и вышел их кухни.

Вечер пролетел незаметно. Родька ещё не раз прикладывался к бутылке с виски, так что к полуночи Родька совершенно опьянел и утром ничегошеньки не помнил. Да и какие воспоминания могли прийти в голову, если кто-то совершенно безжалостно и методично, будто поленом, колотил по голове, а во рту расположился скотный двор?

– Родя! – донёсся до него из тумана голос. Голос знако-

мый, но Родька никак не мог вспомнить, кому он принадлежит. Повернуть голову и открыть глаза, было выше его сил. Он боялся пошевелиться, однако голос вновь позвал его. Родька с усилием открыл глаза.

– Ну и нализался ты вчера, парень, – укорила его Светлана. – Вставай. Похмеляться будем.

Одно упоминание о спиртном вызвало у Родьки приступ тошноты и его словно сдёрнуло с дивана и понесло в туалет. Упав на колени и обхватив руками унитаза, Родька бесконечно мучительно блевал, отдавая миру оставшуюся в нём отраву, и никак не мог остановиться, хотя желудок был совершенно пуст. Кое-как встав, Родька открыл кран и подставил голову под струю холодной воды. Это немного облегчило его состояние. Выйдя из туалета, Родька кое-как доплёлся до дивана и рухнул на него.

– Ну, ты даёшь, Род, – усмехаясь, воскликнул вошедший Влад. – Разве можно столько пить? Тем более в первый раз.

– Помру сейчас, – прохрипел Родька.

– Не помрёшь, – улыбнулся Влад. – У нас есть лекарства от разных болезней, а от этой, тем более.

– Я больше пить не буду, – испуганно запротестовал Родька.

– Пить и не надо. Я тебе в вену введу антиалкогольную сыворотку, и через пятнадцать минут забудешь, что вчера вообще выпивал. Медицина! Заграничное средство. Наши до этого ещё не додумались. Наверное, жизнь без похмелья,

это как-то не по-русски, – пошутил Влад.

Влад не соврал. Через пятнадцать минут от похмелья не осталось и следа. Родька почувствовал необычайный прилив сил, а головная боль и тошнота исчезли будто бы по мановению волшебной палочки. Вместе с нормальным состоянием вернулась и память. Беспокоила мысль о том, что не ночевал дома и не предупредил мать, и он заторопился домой. Его никто не удерживал. Если бы не утренняя головная боль, то всё остальное пришлось Родьке по душе, хотя он не очень понимал, по какой причине. Проводив Родиона, Влад поднялся на второй этаж.

– Доброе утро, Игорь Николаевич, – приветствовал он шефа.

– Доброе утро, Влад. Как наши успехи?

– Работать он наверняка не будет. Я его вчера хорошенько напоил, так он мне в порыве откровенности это и высказал, да и меня заодно уговаривал бросить вас.

– Что дальше?

– Я его на иглу посажу, Игорь Николаевич. Да, в принципе, уже посадил. Только что дозу ему вкатил.

– Ханки?

– Нет, зачем же. С ханкой возни много, да и привыкает человек не за один раз. Я его от похмелья привентином вылечил. И дёшево, и сердито. Вечером уже ломки начнутся.

– Жаль, конечно, парня, – вздохнул Ферзь. – Мог бы пригодиться, но время не терпит. Пусть так и будет. Сколько те-

бе времени надо, чтобы сломать его?

– Не больше месяца.

– Договорились. Пока он здесь наслаждается, надо запустить наших ребят в этот район. Пусть налаживают сбыт. Всё понятно?

– Да, Игорь Николаевич, – кивнул Влад.

Глава 6

Месяц пролетел незаметно. Вечером алкоголь и танцы до упаду, а утром похмелье и спасительный укол. Арина, удивлённая ежедневным отсутствием сына, беспокоилась и попыталась выяснить причину, однако Родька шутил и ничего ей не рассказывал. Предположив, что это первая любовь, Арина не решилась вмешиваться в жизнь сына. Прошёл месяц, и Ферзь вновь пригласил Родиона к себе.

– Здравствуй, Родион, – приветствовал он парня. – Прошёл уже месяц с нашего разговора. Пора бы тебе определиться. Жду твоего решения.

– Простите, Игорь Николаевич, но я не могу принять вашего приглашения, – ответил Родион.

– Можно узнать почему?

– Мне не нравится ваш бизнес.

– Смело. Не очень лестно, конечно, но благодарю за откровенность. Это дорогого стоит. Ну, что ж, насильно мил не будешь, но в таком случае за тобой должок. – сказал Ферзь.

– Какой должок? – удивился Родька.

– Как это какой? Все блага в этом доме бесплатны только для тех, кто у меня работает. Остальных же это не касается. Заниматься благотворительностью в наше время накладно, знаешь ли. Отказавшись от работы, ты сам причислил себя к разряду последних, поэтому тебе придётся вернуть мне все

потраченные на тебя деньги.

– И сколько? – спросил испуганно Родька.

– Точно сказать не могу. Спроси у Влада. Но долг ты должен вернуть в течение пяти дней. И прошу тебя не шутить со мной. Если ты хоть что-нибудь знаешь обо мне, а ты наверняка знаешь, то для тебя не будет новостью тот факт, что я таких шуток не понимаю и не прощаю.

– Я и не собираюсь шутить, – угрюмо сказал Родька.

– Вот и молодец, – похвалил его Ферзь. – И не воспринимай это как трагедию. Подумаешь. Я предложил тебе работу, ты отказался, только и всего. Бизнес. Такое случается сплошь и рядом. Так что возвращай долг, и мы останемся хорошими друзьями. Договорились?

– Да, – кивнул Родька.

– Ну и прекрасно. И можешь сегодня отдохнуть у меня в качестве гостя, – сказал Ферзь. – Я скажу Владу, чтобы сегодняшней день он в счёт не включал.

Родька встал и, попрощавшись, спустился вниз.

– Ну, что? – спросила Светлана.

– А ничего, – сердито ответил Родион. – Отказался я.

– И что же дальше?

– Откуда я знаю? Выпьем, что ли? Последний день за счёт заведения, – угрюмо пошутил он.

– С безмозглыми сопляками пить не хочу. Накачивайся сам, – взорвалась Светлана.

– Ну и накачаюсь.

– Давай, давай! Авось придумаешь, где деньги искать будешь.

– А сколько я ему кстати должен? Ферзь сказал, чтобы я у Влада узнал, – спросил Родька, наливая себе полный стакан виски.

Светлана ничего не ответила и вышла из кухни. Через несколько минут она вернулась с Владом.

– Ну, что ж ты так, Род? – укоризненно спросил его Влад. – Так всё было хорошо и на тебе.

– Да брось ты мне морали читать. Сам разберусь, что хорошо, а что плохо. Лучше скажи, сколько я должен.

– Пустяки, в общем-то. Пять штук, – ответил Влад.

– Пять штук? – испуганно переспросил Родька? – Где же я пять тысяч рублей найду? – стал вслух рассуждать Родька, – треть маминой зарплаты.

– Рублей? Ты что парень? В бизнесе рублями не оперируют. Пять тысяч баксов, – огорошил его Влад.

– Баксов? Да за что же так много?

– Много? Одна бутылка «Белой лошади» стоит столько же, сколько твоя мать зарабатывает за месяц. Сейчас ты, например, пропил половину её зарплаты.

– Сегодня не считается, – испугался Родька.

– Я к примеру говорю. А лекарство от похмелья? А еда? А разные «сникерс–памперсы»? Это что, тоже ничего не стоит? А где ты деньги возьмёшь, меня это не волнует. Сам сделал выбор, – сказал Влад.

– Да! – вздохнул Родька. Алкоголь уже затуманивал разум, и проблема не казалась такой уж неразрешимой. Однако оставаться в этом доме Родька не захотел, понимая, что гость он уже здесь нежеланный, поэтому, выпив напоследок, уехал домой. Арина, обрадованная ранним приходом сына, засуетилась на кухне. Хмель выветрился из Родькиной головы, но похмелье было очень сильным, и ужинать он отказался. Ему казалось, что он простудился. Болела не только голова, но и ломило суставы. Родька улёгся на кровать и попытался заснуть, но мысли, одна мрачней другой, не покидали его. После полуночи Родиону стало совсем плохо. Нестерпимо ломило суставы. Против его воли из глаз текли слёзы, и изо рта вытекала слюна, которую он не успевал заглатывать. Не выдержав боли, застонал. Арина, услышав скорее сердцем этот стон, зашла в комнату сына. Вид его испугал Арину. Покрасневшие набухшие веки почти полностью закрывали глаза. Из рта вытекала и капала на подушку тягучая неестественного цвета слюна. Родька, поджав ноги к груди, тихонько поскуливал и раскачивался как на качелях. Ни включённого света, ни прихода матери он, казалось, не заметил.

– Родя! – воскликнула перепуганная Арина. – Сынок! Что с тобой?

Родион очнулся от забытья и мутными глазами посмотрел на мать:

– Приболел я что-то мама, – прохрипел он.

– Сейчас, сынок. Сейчас вызовем скорую помощь, – сказа-

ла она и бросилась к телефону. Через полчаса приехала скорая помощь. Пожилой, давний знакомый Арины врач, раздев Родьку, осмотрел его и попросил Арину оставить их на минутку.

О чём-то поговорив с Родионом, он сделал укол и позвал Арину. Несколько минут спустя Родька успокоился. Исчезли слёзы и слюна. Лицо приняло нормальный вид. Выйдя из комнаты Родиона, врач попросил Арину пройти с ним на кухню.

– И давно это он? – спросил врач.

– Заболел? – не поняла Арина. – Да нет. Сегодня вечером.

– Так вы ничего не знаете?

– Что я должна знать?

– Что ваш сын – наркоман.

– Да вы что? – ужаснулась Арина. – Что вы такое говорите?

– Да, да. Наркоман, – подтвердил врач. – Я ему сделал укол морфия, хотя и не имел право это делать, но иначе помочь ему сейчас невозможно и интоксикация наркотиками такова, что не исключая и летальный исход. Вы немедленно должны обратиться к наркологу, если не хотите потерять сына. Вы меня понимаете?

– Конечно, Михаил Петрович. Я обязательно сделаю всё, как вы сказали. Обязательно, – повторила Арина.

Закрыв за доктором дверь, прошла в комнату сына и, увидев его радостные глаза, заплакала.

– Что с тобой, мама? – удивлённо спросил Родька. – Мне уже хорошо.

– Я знаю, сынок, – ответила Арина. – Тебе хорошо потому, что доктор сделал тебе укол морфия.

– Ну и что? – удивился Родька.

– Ничего, если не считать того, что ты – наркоман.

– Наркоман? – удивился Родька.

– Да. Наркоман, – подтвердила мать.

– Этого быть не может, мама.

– Ну-ка, сынок, давай рассказывай всё как есть. Мы с тобой одни на этом свете, ты и я, поэтому очень прошу тебя ничего от меня не скрывать, – сказала Арина и присела к Родиону на кровать.

Родион, не знавший, как решить проблему с долгом, был даже обрадован такой возможностью и обо всём рассказал матери.

Арина, подумав некоторое время, решилась:

– Ты знаешь, Родя. Деньги и все материальные ценности ничто по сравнению с нашими поступками. Деньги приходят и уходят, а дела остаются. Эти дела и составляют суть нашей жизни. Поэтому решим так. У нас есть сервиз Фаберже и этюд Айвазовского, которые хранятся вместе с моим любимым сундуком с незапамятных времён. Не знаю, как они попали к нам. Мне передала их перед смертью бабушка. Она, кстати говоря, тоже была учительницей русской словесности. Продадим что-нибудь. Тем более сервизом давно интересо-

вался один папин знакомый. Так что с деньгами вопрос решим. А вот с наркотиками придётся обратиться к помощи врачей.

– Да зачем, мама? – удивлённо спросил Родька. – Я ведь просто не знал, что мне вводят наркотик. Неужели ты думаешь, что у меня не хватит силы воли, чтобы отказаться от этой дряни?

– Не знаю, сынок, не знаю, – неуверенно покачала головой Арина.

– Не сомневайся, мама. Ты же знаешь, что, если я захочу что-нибудь, то обязательно сделаю, – убеждал Родька.

– Хорошо, сынок. Но прошу тебя в таком случае пообещать мне, что, если у тебя вдруг не хватит сил, чтобы отказаться от этого, ты обязательно скажешь мне, и мы обратимся к врачу. Договорились?

– Конечно, мама. Я же не враг самому себе.

– Ну, вот и ладно. Спокойной ночи, сынок. Завтра я приглашу папиного знакомого, так что, думаю, к вечеру ты с долгами рассчитаешься.

– Спокойной ночи, мама. Ты у меня самая хорошая на свете, – благодарно произнёс Родион.

– Спи, сынок, – улыбнулась Арина.

Глава 7

Проснувшись утром, Родька ощутил лёгкую ломоту в суставах, но решил не обращать на неё внимания. Сделав зарядку, умывшись и позавтракав, он почувствовал себя немного лучше. Покупатель пришёл около одиннадцати часов. Зная о согласии Арины продать сервиз, принёс деньги с собой. Часть денег Арина отдала Родиону, а часть спрятала на «чёрный день». Хотела отнести деньги сама, но Родька категорически воспротивился. В школу он по обоюдному согласию не пошёл. Оставив сыну деньги, Арина ушла на работу. Ближе к обеду Родька почувствовал, как усиливается боль в суставах. Не в силах находиться дома, ожидая назначенного часа, Родька взял деньги и решил дойти до дома Ферзя пешком, предполагая, что прогулка по свежему воздуху взбодрит его, однако его ожидания не оправдались. Подходя к дому Ферзя, уже еле сдерживал себя. Дверь открыл Влад. Не поздоровавшись и не раздеваясь, Родька поднялся на второй этаж к Ферзю и молча протянул ему деньги. Пересчитав доллары, Ферзь удовлетворительно кивнул:

– Молодец. Честно говоря, не ожидал, – похвалил он. – Но здороваться всё-таки нужно в любом случае. Ты как считаешь?

– Извините, – сказал Родька. – Чувствую себя паршиво.
– Заболел что ли? – спросил Ферзь.

– Ломает всего, – ответил Родион. – Простыл, наверное.

– Ну, это не беда. Знаем мы эту простуду. Если пожелаешь, немедленно вылечим, – сказал Ферзь.

– У меня денег нет, – угрюмо отказался Родька. Его решимость никогда больше не принимать наркотики куда-то мгновенно улетучилась.

– А мы тебе в долг поверим. Неужели мы в долг не поверим честному человеку? Как думаешь, Влад? – спросил он у стоящего рядом телохранителя.

– Конечно, поверим. Если сейчас не обманул, то и дальше не обманет, – откликнулся Влад.

– Если хочешь, ступай с Владом и лечись, – закончил беседу Ферзь.

Родька обречённо кивнул головой и пошёл вслед за Владом. Через пять минут мир снова расцвёл всеми красками радуги. Выходя из дома, столкнулся с Ферзём.

– Ты ещё здесь? – спросил Ферзь. – Вот и хорошо. Слышал, у вас есть акварель Айвазовского. Не собираетесь продавать?

– Светка доложила?

– А что в этом запретного? Ну, так что?

– А зачем?

– Как зачем? Чтобы деньги были. Если соберётесь, то я с удовольствием куплю.

– Да нет. Нам вроде бы и так хватает.

– Я на всякий случай тебе говорю. Задумаете продавать,

давайте ко мне. Договорились?

– Хорошо, – согласился Родька и, забыв попрощаться, вышел на улицу.

Дома, приготовив ужин, его с нетерпением ожидала мать. Раздевшись, поцеловал её в щёку и улыбнулся.

– Ну, как? – спросила Арина.

– Всё в порядке. Будь спок, мамуля, – радостно сказал он. – Давай ужинать. Голодный как волк.

– Давай, сынок, – успокоено ответила Арина. – Я сегодня твою любимую картошку с мясом потушила.

– О-О-О! – заорал довольный Родька. – Ты просто золото, мамуля! – закончил он и поцеловал мать.

– Садись за стол, золото, – отмахнулась Арина и стала накладывать еду. Так в шутках и смехе и прошёл этот вечер. Посмотрев до полуночи телевизор, Родька улёгся спать. Пульсирующая резкая боль разбудила его уже под утро. Не понимая поначалу причину боли, подумал, что это ему снится, но новый, ещё более сильный приступ боли, вернул к реальности. «Опять!» – с ужасом подумал Родька. Еле дотерпев до восьми утра, Родька поднялся и попытался сделать зарядку, однако суставы болели так, что он тут же отказался от этой попытки. Принял душ, и это немного притупило боль. Арина уже завтракала, так как сегодня у неё с утра были уроки. Родион был очень рад этому, ибо не хотел показать перед матерью свою слабость. Еле дождавшись её ухода, Родька бросился искать деньги. Он перерыл весь дом, но

денег не нашёл. Ярость от неудачи и ещё более усиливающаяся боль захлестнули его, когда вдруг мелькнула спасительная мысль: «Айвазовский». Родька прекрасно знал, что в соседнем подъезде живёт парень, который работает на Ферзя и торгует наркотиками, поэтому, сняв со стены акварель, пошёл к Воробью. Воробей оказался дома. Знали они друг друга с детства, но никогда не дружили. Может от того, что Воробей был старше на три года, а может и от того, что интересы у них были разные. Но знали они друг друга прекрасно. Их последняя встреча закончилась тем, что под обоими глазами у Воробья появились два иссиня чёрных фингала. Таким образом, Родька отучал Воробья торговать наркотиками в школьном дворе.

– Чего тебе? – испуганно спросил Воробей, не забывший последнюю встречу.

– Я к тебе, Воробей, – извиняющимся тоном сказал Родька. – Ферзь просил меня.

– Проходи, – приободрился Воробей. – Чего мы здесь разговариваем? Родители в деревне. Я один дома.

Родька прошёл в коридор.

– Так что ты о Ферзе говорил? – спросил Воробей. Родька вытащил картину и, передав её Воробью, пояснил:

– Ферзь сказал, что хочет купить эту картину. Ты не мог бы отнести ему?

– А сам чего не отнесёшь?

– Ломки у меня.

– На иглу посадили?

– Тебе какая разница?

– Какая разница?

– Так ты пойдёшь или нет?

– Пять процентов от сделки.

– Что за пять процентов?

– Допустим, продам за сто, значит пять рублей моих. Согласен?

– Хорошо, – Родька был уже согласен на всё, лишь бы унять эту пульсирующую боль.

– А за сколько?

– Даже не знаю, но она очень дорогая. Только у меня к тебе условие.

– Какое?

– Ломки у меня. Сам видишь. Поправиться бы надо.

– Нет проблем.

– И побыстрее. На такси лучше. Из тех денег, что Ферзь тебе даст и рассчитаешься. Идёт?

– Ещё как идёт. Не идёт, а едет. Ты давай-ка в таком случае раздевайся, проходи и подожди меня здесь. Телевизор пока посмотри, а я мигом, – сказал Воробей, одевая куртку.

Глава 8

Вернулся Воробей примерно через час. Количество денег, которые он принёс, приятно удивило Родьку, но ещё больше обрадовал наркотик.

– Сделай укол, – попросил он Воробья.

– Давай, – согласился Воробей и очень профессионально выполнил просьбу Родьки. Через некоторое время Родька почувствовал, как уходит боль, и умиротворение приятной истомой стало разливаться по телу.

– Можно я прилягу на минуту?

– Ложись на диван, – сказал Воробей.

Родька прилёг и провалился в приятное забытьё.

Открыв глаза, он не узнал своей комнаты, обеспокоено сел и стал оглядываться. Затем вспомнил, что заснул у Воробья. В комнате было темно. Включив свет, увидел разбитый телевизор «Сони» и очень удивился, так как помнил, что смотрел его перед тем, как уснул. Из раздумий вывел звук открывающейся двери.

– Очнулся? – спросил вошедший Воробей.

– Что с тобой? – увидев синяк под правым глазом, спросил Родька.

– Да со мной-то пустяки, – сказал Воробей. – Ты бы на свою мамашу посмотрел. Вот это картина так картина. Она уже пятый день из дома не выходит.

– А что с ней?

– Не помнишь, что ли?

– Нет, – испуганно сказал Родька.

– Не помнишь, как выкидывал её отсюда? Я ещё, дурачок, вмешался. Вот и получил. Но зачем ты телевизор пнул, я так и не понял. У тебя видно совсем крышняк поехал.

– Телевизор? Я? – ещё больше испугавшись, спросил Родька.

– А кто же ещё? Я что ли пнул по своему новому телевизору? – зло спросил Воробей. – Зря ты на винт присел. Слышал я, что от него крышу сносит, но, чтобы так... – недоумённо сказал Воробей и покачал головой.

– Воробей. А давно я у тебя?

– Вторую неделю.

– А с деньгами что?

– С какими деньгами?

– С моими. За Айвазовского.

– А ничего. Если вычесть стоимость телевизора, то на пару доз осталось.

– Ну и ладно. Есть у тебя что-нибудь?

– Есть, конечно, но завтра мои родители приезжают, так что придётся тебе возвращаться домой.

– Да вернусь, конечно. Куда я денусь? Ты лучше подлечи меня и с собой дозу дай. А с матерью я как-нибудь улажу. Договорились?

– А мне-то что. Я – всегда, пожалуйста. Чего только для

хорошего человека не сделаешь? – Воробей прошёл на кухню и, несколько минут спустя, вернулся со шприцем в руках. Сделав укол, Воробей пошёл обратно в кухню и вернулся оттуда со шприцем наполненным зельем.

– А сколько сейчас времени? – спросил Родька.

– Шестой час.

– Утра или вечера?

– Вечера.

– А почему так темно?

– Зима на дворе. Забыл что ли?

– А-а, – понятиливо протянул Родька.

– Ладно, Род. Подлечился и давай-ка иди домой. Мне ещё порядок навести надо. Утром родаки приезжают.

– Да, конечно, – согласился Родька, оделся и вышел на улицу. Неприятно удивился холодному ветру, но, вспомнив, что уже декабрь, застегнул куртку и направился к своему подъезду. Подняв глаза, увидел свет в окне матери. Засосало под ложечкой. Потоптался на месте, прошёл вдоль дома и, наконец, решившись, отправился домой. Вызвав лифт, нажал на кнопку номер пять и прислонился к стенке. Подойдя к двери, приложил к ней ухо и прислушался. Ничего не услышав, вставил ключ и открыл дверь. В квартире стояла гробовая тишина, и только тиканье старинных настенных часов нарушало её. Хотел как можно тише закрыть дверь, но английский замок предательским выстрелом нарушил его планы. Включившийся свет ослепил. Он невольно зажмурил

глаза и, когда открыл их, не поверил тому, что увидел.

Перед ним стояла совершенно седая мать. Лицо её представляло собой какую-то нелепую маску, раскрашенную в синие, зелёные и желтые цвета. И лишь глаза остались теми же, глазами матери.

– Пришёл? – спросила Арина.

– Да, – ответил Родька.

– Не спеши раздеваться. Если ты сейчас не дашь мне слово, что завтра мы пойдём к врачу, то можешь уходить, – твёрдо сказала Арина. Родион молчал.

– Ну, что же ты молчишь?

– Я знаю мама, что очень виноват перед тобой, – сказал, наконец, Родька. – Я знаю, что никогда не смогу простить себе того, что натворил. Я не знаю, как вымолить у тебя прощения, но я обязательно пойду завтра к врачу, – закончил он и детские слёзы полились из его глаз. Арина подошла к сыну и, обняв, принялась успокаивать, от чего тот заплакал ещё горше.

Мир в семье был восстановлен, и остаток вечера они провели как когда-то раньше, в какие-то стародавние времена. Спать легли как обычно около полуночи. К этому времени у Родьки опять началась ломка, но он думал, что сможет потерпеть до утра. Надежды не оправдались, и боль усиливалась с каждой минутой, а долгожданный сон так и не приходил. Боль нарастала и усиливалась. «Шприц», – мелькнула спасительная мысль. Вспомнил, что во внутреннем кар-

мане куртки есть ещё одна спасительная доза. «Всего одна. А завтра пойду к врачу. Обязательно», – оправдывал себя Родька, вставая с постели. Нашулав шприц, вошёл в туалет, не закрыв за собою дверь. Боль становилась нестерпимой и Родька, спеша и суетясь, кое-как перетянул себе руку поясом от материнского халата. На внутреннем изгибе руки не было, казалось, ни одного места, где на венах не чернели бы точки запёкшейся крови от сделанных ранее уколов. Обнаружив, наконец, не израненный участок вены, попытался вогнать иглу, но руки тряслись, и у него ничего не получалось.

– Родион! – как гром среди ясного неба раздался голос матери.

Родька вздрогнул от испуга и шприц, выскользнув из рук, упал на кафельный пол. Видя, как спасительная жидкость разливается по полу, Родька пришёл в ярость, которая вместе с нестерпимой болью заполнила всё его сознание:

– Ты! – заорал он. – Старая сука! Ты меня что... убить что ли хочешь? Ты смерти моей хочешь? – опять прокричал он, и слёзы ярости и бессилия потекли из его глаз.

– Я сейчас вызову скорую, – сказала Арина.

– Не смей! – взвизгнул Родька. – Я тебе говорю, не смей!

– Но тебе ведь плохо, – уговаривала мать.

– Уйди! Ты...! Уйди от меня и не смей никуда звонить! Я тебе запрещаю! – вновь завопил он.

– Ну, что ж, – согласилась Арина. – Пусть будет по-твоему. Но, если ты и утром запретишь мне вызвать врача, то

тебе придётся покинуть этот дом, – тихо сказала и ушла.

Родька, через силу собрав и выкинув осколки, пошёл к себе в комнату. Улёгся на кровать и, поджав к подбородку колени, стал раскачиваться. Ему казалось, что это немного успокаивает боль, но это было не так. «Деньги», – стучала в голове мысль. – «Деньги и к Воробью. Только бы достать деньги». Он вдруг вспомнил, что у матери что-то осталось от продажи сервиза. Совершенно забыл, что искал их и не нашёл. Сейчас эта мысль сверлила мозг: «У неё есть деньги, но она мне ничего не даст. Надо заставить её. Любой ценой», – уже не сверлила, а колотилась в голове навязчивая идея. Раскачиваясь на кровати и поскуливая, обратил внимание на что-то блестящее под кроватью. Наклонился, и хотел убрать этот предмет. Рука коснулась холодного металла, и Родька угадал, что это был острейший столярный топорик отца. Взял и вытащил его из-под кровати. Держа в руках топор, на мгновенье замер, но тут же всепобеждающая мысль: «Деньги! Любой ценой!» поглотила всё его существо. Он поднялся и пошёл в комнату матери. В комнате горела настольная лампа. Мать сидела в кресле спиной к Родиону и что-то читала. Родион подошёл к креслу и остановился. Его рука стала непроизвольно подниматься, а взгляд впился в морщинистую истончённую жизнюю шею. Арина, почувствовав чьё-то присутствие, зашевелилась, и это шевеление привело в ужас. Он занёс до отказа топор и, что есть силы, ударил по тонкой материнской шее. Сила удара была такова,

что топор прошёл сквозь шею, как сквозь масло. Инерция толкнула Родиона вперёд, и он лицом навалился на обрубок шеи, из которого фонтанировала кровь.

Родька закричал нечеловеческим голосом и, потеряв сознание, свалился на ковёр. Очнувшись, увидел напротив улыбающееся лицо матери. Улыбнулся в ответ и хотел погладить мать, но рука, не встретив тела, упала на ковёр во что-то липкое. Не поверив себе, опустил взгляд туда, где должно было быть тело матери, и только тут осознал, что там ничего не было. Только тут до него дошло, что смотрит на него с улыбкой отрубленная голова матери. Сознание вновь померкло, и он провалился в спасительное забытьё. Перед рассветом очнулся. На душе было так легко и радостно, что он запел. Увидев улыбку матери, улыбнулся в ответ, пожелал доброго утра и поцеловал ледяной лоб. Затем поднялся, приговаривая:

– Пара вставать, мамуля. Пора просыпаться, – говорил он голове. – Сейчас мы с тобой умоемся, и будем пить чай. Он отнёс улыбающуюся голову в ванную комнату и старательно вымыл лицо. Тщательно умылся, и поставил на огонь чайник. Налив чай, попытался поставить голову так, чтобы она стояла, но ничего не получалось, так как срез шеи был косою. Устав от безуспешных попыток, Родька сказал, что мама непослушная и что тогда они пойдут гулять на улицу. Надел зимнее пальто и ботинки и одел на голову матери её песцовую шапку. Взяв в руки голову, вышел на балкон. Краешек

солнца показался из-за горизонта.

– Мы сейчас летаем, мама. Ты ведь всегда хотела научиться летать. Вот мы и летаем.

Родька забрался на балконные перила, бросил взгляд на восходящее солнце и сделал шаг в пустоту. Один только шаг между жизнью и смертью. Один только шаг в вечность.

Их так и нашли. Родька лежал на асфальте, прижимая к себе голову матери. Мать и сын улыбались друг другу.

А вокруг продолжалась жизнь.

* * *

«Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, всё поглощает подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем. Мало того, он и на этом не останавливается. Но когда истребит всех, по своему желанию, тогда желает истребить самое существо земли и увидеть на месте её золото; и не землю только, но и горы, и леса, и источники – словом всё, видимое. А чтобы вам знать, что мы ещё не вполне изобразили его неистовство, – представьте, что никто не будет обвинять и устрашать его, уничтожьте, по крайней мере, на словах, страх со стороны законов, – и вы увидите, как он, схватив меч, истребляет всех, не щадя никого, ни друга, ни родственника, ни брата, ни самого родителя. Вернее же, не нужно делать

никакого и предположения, а спросим его самого: не строит ли он всегда таковые мечты в своём воображении и не нападает ли на всех, умерщвляя мысленно и друзей, и родственников, и самих родителей? Но даже нет нужды и спрашивать его; всем известно, что одержимые недугом корыстолюбия тяготятся старостью отца, а приятное и вожеленное для всех чадородие почитают тяжким и несносным. Многие из-за этого находят удовольствие в бесчадии, делают естество своё бесплодным, не только умерщвляя родившихся детей, но и не давая им зародиться.» (Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. Беседа XXVIII. Стр.487 Конец IV века н.э.) Я привёл эту цитату с той целью, чтобы читатель смог сопоставить слова, написанные более 17 веков назад с тем, что происходит сейчас. Повсеместная коррупция во всём мире дело совершенно естественное. Равнодушие и даже ненависть к людям вообще, пренебрежение к законам нравственным и государственным – естественное состояние таких людей. Воспевание свободы, которой не существует ни в физическом, ни в духовном мире, как главной ценности человека, на самом деле является воспеванием безнаказанности. Сейчас же все требуют свободы. И требуют именно те, которые цель своей жизни видят в личном обогащении, обогащении любым возможным способом, и безнаказанности. Я повторяюсь, любым. И невдомёк этим ослепшим приверженцам свободы, демократии, (которая по сути своей может привести только к хаосу) и свободного рынка, главным прин-

ципом которого является конкуренция, что в конечном результате этой конкуренции, должен победить кто-то ОДИН. Не только в нашей стране, но и во всем мире. Им даже и в голову не приходит мысль о том, что деньги не приносят счастья. Погоня за ними бесконечна. Так же бесконечна, как и бессмысленна. Знают ли они ответ на простой вопрос: «А что же в итоге?» А я знаю. В итоге – страдания сотен, тысяч, миллионов и миллионов людей по всей планете. Следовательно, открытая или завуалированная цель жизни таких людей – зло, ибо отрицание того, что деньги – главное зло нашей жизни, бессмысленно. И если люди не поймут, что деньги являются Злом не сами по себе, а по нашему произволению, если они не поймут, что деньги должны быть просто средством обмена, но никоим образом не целью жизни, то нас ждёт та же участь, что и участь Арины Родионовны. Деньги руками и наших недругов, и наших внутренних апологетов западного образа жизни, демократии и свободы, и при нашем попустительстве уничтожат не только нашу Родину Мать, но и саму ЖИЗНЬ. И если мы не ответим на главные вопросы: Кто мы? Что для нас является главным в этой жизни и что мы должны сделать, чтобы этого достичь, то за нас это сделает кто-то другой. И не удивляйтесь, если вам это не очень понравится.

Всем вышесказанным я хочу обратить ваше внимание на то, что главными героями этой повести наряду с несчастными Родионом и Ариной Родионовной являются более

несчастные Игорь Николаевич и его приверженцы.

За козла ответишь

Рассказ

После армии, помню, устроился я на судоремонтный фрезеровщиком. Год всего с небольшим отработал. Но отработал на совесть. И вот, как-то летом, в конце, по-моему, июля подходит ко мне мастер и говорит, что меня вызывают в профком. Прихожу, значит, туда. Как был в спецовке, так и пошёл, а там всё начальство, да рабочих человек двенадцать. Не возьму в толк, в чём дело, однако скоро всё понял. Награждали ценными подарками передовиков производства. Как уж я в их число попал, и сам не знаю. Ну, не отказываться же в самом деле? Вызывают меня и вручают, ... чтоб ты думал? Никогда не поверишь! Да я и сам сначала не поверил. Вручают мне новенький японский телескопический спиннинг. Откуда узнали, что я рыбак был страстный? Я как взял его в руки, представляешь, и пока шёл до дома, так и не мог поверить, что он мой. К рыбалке меня, кстати, прирастил сосед по лестничной площадке, дядя Дима. Он, сколько я его помню, первого секретаря обкома возил. Уедет тот куда-нибудь в командировку, так он сразу к нам: «Сенька! – зовёт, – На рыбалку поедешь?». Как тут отказать? На трофейном «Виллисе», со всеми удобствами... Лет с десяти начали ездить. Да не только меня брал. Ездили

с нами братья-близнецы Мишка, да Сашка, погодки мои с соседнего подъезда. Здоровы были, чистые амбалы, как выражались раньше. Так вот вчетвером и ездили. Прихожу я домой. Спиннинг из чехла вытаскиваю, а он – телескопический. Так-то, в складном виде, не больше метра, а выдвинешь – четыре. Представляешь? Да, ничего ты не представляешь. Это сейчас в любой магазин зайди, а там их пруд пруди. О! Вишь, даже стихами заговорил. А тогда, считай после войны, о таком спиннинге только мечтать можно было. Раздвинул я его на всю длину и давай пробовать закинуть. Да разве в квартире попробуешь? Положил и бегом к дяде Диме, он только с работы приехал. Машину всегда на ночь у дома оставлял:

– Дядь Дима! – кричу с порога, – На рыбалку когда поедем?

– Что это тебе приспичило? – удивлённо спросил дядя Дима.

– Мне на заводе премию дали. Спиннинг японский телескопический. – радостно выпалил я.

– Врёшь. – недоверчиво говорит дядя Дима.

– А вот и не вру. Пошли ко мне.

– Пошли. – соглашается он, и прямо в носках, благо квартиры рядом, идёт за мной.

Увидел спиннинг, остановился и как какую тебе картину начал рассматривать. И с той стороны подойдёт, и с этой, а взять в руки не решается. Потом всё-таки находит в себе си-

лы и с немым восторгом и благоговением берёт спиннинг в руки. И так его повернёт, и эдак. А я стою у стены и улыбаюсь.

– Ну, и как? – спрашиваю его.

– Ну, ты даёшь, паря! Силища! И где только взяли? Я почитай два года у хозяина такой же конючу, дак, вроде бы не отказывает, а в результате – хрен с редькой. Нет. Это ты прав. Завтра скажу хозяину, что движок забарахлил. Мол, на ремонт надо. Вечером и двинем. Братьёв-то будем брать?

– А как же! – недоумённо восклицаю я.

– Лады. Значит так. Часам к 19.00 полная боевая готовность. Я такое место знаю, пальчики оближешь. Там, правда, только начальству рыбачить разрешают, но кто же мне посмеет запретить? Так что Сенька, до завтра. Да смотри, блёсна хорошие подбери.

– А на что их подбирать? – усмехаюсь я. – Они же в комплекте идут. – и показываю ему блёсна. Тут он и вовсе обалдел. И то ли от зависти, то ли от нетерпения испробовать это чудо рыбного лова, заявляет:

– Знаешь, что? А может на часок пораньше? Успеешь?

– Я–то, да не успею? Ты что, дядя Дим?

– Ну, и лады. Братьев предупреди, – бросает он напоследок и уходит.

На следующий день, с утрачка, я по магазинам, значит, побегал и к 12.00 был уже готов. Мишку и Сашку я ещё с вечера предупредил, так что, беспокоиться мне больше было

не о чем. И, веришь ли? Самые долгие в жизни были для меня эти шесть часов ожидания. Чуть не на стену лез от нетерпения. В общем, не знаю, как и дождался. Рюкзак со спиннингом у двери поставил. Сам на балконе стою, и только зашел машину, окурочку в сторону, поклажу в руки и вниз. Даже и не помню, закрыл двери или нет. Мы с матерью вдвоём жили. Отца где-то под Прагой уже в конце войны убили. Полком, между прочим, командовал. – сказал старик и задумался. Затем очнулся от воспоминаний. – Так о чём это я? А..а..а...

Попрыгали мы в машину, братья уже на улице ждали, и поехали. Часа два, наверное, ехали. Приехали, короче, к озеру. Метров сто пятьдесят на двести. Неказистое с виду озеро. Почти все берега поросли камышом. Увидел я это, посмотрел на братьев, на дядю Диму и говорю:

– И что же ты в этом болоте собираешься блеснить? Лягушек?

– Э-э-э, дружок. Мал, как говорится, золотник, да дорог. Не знал бы, так и не привёз. Мы с хозяином щуку здесь брали килограмм на восемь. Так что не тужи друг Сенька, а вываливайтесь, да растелешайтесь.

Я, конечно, повеселел. Вытолкал братьев. Сам вылез. Достали пожитки, палатку поставили (не на один ведь день приехали), костерок развели. Братья картошку для ухи чистят, а я не утерпел и к озеру. Забрасываю блесну, а у самого мысли аж до дрожи в коленках:

– Ну, не подведи, милый! Ну, давай! Хоть щурёнка какого. –и не подвела.

Не успел я метра три на катушку намотать, как дёрнет. Чуть в озеро не свалился.

– Есть! – ору. – Взяла! Дядя Дима, да братья побросали всё и ко мне. Всем интересно, что за первый улов будет. Подвожу я её по малу к берегу, а Санька уже с сачком наготове стоит. Ну, ничего щучка. Килограмма на полтора потянула бы. Ей, ей! Увидел я её и как камень с сердца свалился. Радости было, гордости. Да не только у меня. У всех. Про меж нас зависти тогда не было почитай.

Начали мы по очереди блеснить. Через час, примерно, наловили килограммов пятнадцать. Решили закончить. Куда нам больше на четверых? Хорош! Ставь ведро! Чисть рыбу! Вари уху! А со свежатинки уха-то минут десять – пятнадцать и готова. Лишь бы вода вскипела. Сварили уху. Ведро в сторонку поставили, крышкой прикрыли, чтоб томилась. Небольших щук на прутья, да на уголья. Как вспомню, слюна течь начинает. Ну, вроде всё к пиру готово. Тут каждый в свои рюкзаки за припасами полез. Друг на друга в этом деле не надеялись. Оказалось, что восемь бутылок взяли. По литру на голову. Это, конечно, никого не огорчило. И начался пир. И выпито было немало, и съедено, и былей и небылиц рассказано разных. В общем, обычная история.

Проснулся я на заре. Голова гудит. Во рту – какашки. Поднялся кое-как. Бутылку непочатую нашёл. Хлебнул стопку,

запил ушей и опять за спиннинг. Азарт! Прошел метров с пятьдесят и с небольшого пригорка решил за камыш забросить. Камыш-то ближе к середине рос, а от берега просвет метров восемь–десять. Прямо в озеро не стал бросать. Мало ли что. А так, через лагунку маленькую решил прошерстить. Метров на двадцать пять бросил. Через стену камыша и почти до другого берега достал. Только начал я катушку наматывать, вдруг, как дёрнет. Чуть в воду не свалился. «Ну, – думаю, – кто рано встаёт, тому Бог даёт. Вот она, рыбацкая удача». А в голове уже щука метра два длиной. Да что там два, целых три. И все вокруг поздравляют. И в газете портрет на всю полосу. Выбираю, в общем, леску. С трудом идёт. Будто действительно великана какого-то заарканил. Вдруг опять, как дёрнет. Перепугался я не на шутку.

– Санька! – ору, – Давай быстро сюда.

Тот от крика моего проснулся, да спросонья и с похмелья понять ничего не может. Испугался я совсем. Ни сантиметра не могу лески накрутить. Уже и рыба мне не нужна, лишь бы блесну сохранить. Где ж я в наше время японскую блесну смогу найти? Такой поворот событий меня никак не устраивал.

– Да ты что, мать твою? – заворачиваю я для убедительности. – Давай быстрее!

Он видно сообразил, что к чему, и ко мне.

– Сачок взял? – спрашиваю.

– А зачем?

– От дурья башка. Спиннинг держи. Да из рук не выпусти. Дёргает так, что я чуть в воду не упал. Побегу за сачком, – пояснил плохо соображавшему Саньке. Тут дядя Дима проснулся, из палатки вылезает:

– Что за шум, а драки нет?

– Глубоко тут? – спросил я у него.

– Да нет. Хорошо, если по пояс будет. Мелководье.

– Ну, и ладно. – отвечаю я и, схватив сачок, бегу к Саньке:

– Санёк! Ты, главное, спиннинг из рук не выпускай! А если будет водить, то и потравливай потихоньку. Я прямо по леске пойду и там уже сачком её и подцеплю.

– Палку возьми! – советует Санёк. – Вдруг в сачок не влезет. Глушанёшь, под жабры, да и дело с концом.

Беру я хороший увесистый дрын и иду по леске. Подхожу к камышам, начинаю сквозь них пробираться. Иду и чувствую – что-то не так. Чувствую, что будто кто-то смотрит на меня. Гадостное такое чувство, неприятное. Осторожно иду. Раздвигаю камыши. Сердце как молот стучит, аж в висках отдаётся. И вдруг, бац – глаза! Морда страшная, волосатая. Бородища! И глаза! Такие, знаешь, страшные, чуть из орбит не вываливаются. И прямо на меня смотрят. Представляешь? А из левого глаза слеза течёт. «Ну, – думаю, – допился ты, брат Сенька до белой горячки». Зажмурился, головой потряс, открываю, а глаза на месте, всё так же на меня смотрят. Пошёл я всё-таки вперёд, хотя страшно было, ужас. Иду потихоньку, осторожненько так. Выхожу из камыша, и

что же ты думаешь? Козёл стоит. По шею почти в воде. И сам не маленький, а рога – просто огромные. Таких рогов ни до, ни после не видел. С метр, наверное, будут. С руку твою толщиной. И леска моя из пасти торчит. «Да что же такое творится? – думаю. – Неужели я козла поймал? Зачем мне козёл? Я же щуку ловил. Как же это он, дурень такой, блесну мою заглотил?». Кто ответит на все эти вопросы? Заглотил и всё тут! Ну, и что же мне дальше делать? Подхожу я к козлу, беру его за один рог, и повёл к берегу. Идёт, не упирается. Вывожу из камышей, а там уже все товарищи мои на берегу стоят. Интересно ведь, что я выловил. Как увидели меня с козлом, сначала и не поверили. Аж рты пооткрывали. А потом как грохнут разом, и ну хохотать. Смеются, заливаются, пальцем в меня с козлом тыкают. Им-то что? Им-то смешно. Не они ведь козла на японский спиннинг поймали. А мне каково? Представляешь? Веду козла. Злой. Похмелье как рукой сняло.

– Хватит ржать! – говорю. – Лучше давайте думать, что дальше делать будем.

Успокоились они, наконец, и задумались.

– А что делать-то? – начинает Сашка. – Леску обрежем, и пусть себе шагает дальше по своим козлиным делам. Кто ж дознается, что это ты его вместо щуки выловил?

– Ну, уж нет. Чтобы я какому-то козлу блесну свою дарил? Лучше я башку ему отрежу, чем лишусь подарка моих товарищей.

– Будет спорить, – остановил нас дядя Дима. – Пойдём-ка освежимся, а там и порешим, что будем делать. С бодуна-то такое можно нарешать, век не расхлебаешь.

Предложение приняли без возражений, благо с водкой проблем не было. Опохмеляемся, судим, рядим. И так, и эдак. А козёл рядом стоит. Слушает. Умный. Понимает, что судьба его решается. Спорили мы, пока водка не кончилась, и решили всё-таки козла зарезать. Не мог я допустить, чтобы японская блесна у какого-то козла в горле осталась. Вот это, Витя, и есть самый классический пример того, как жадность фраера губит. Ну, что тут поделаешь? Решили и сделали. Близнецы всё в два счёта оформили. Голову козлу отрубили, блесну мою вытащили, козла ободрали, шкуру закопали и решили ещё денёк порыбачить под шашлык из козлятины. Дядя Дима в соседнюю деревню за хлебом, да за водкой сгонял, и пошло дело, и поехало. Как пролетели день и ночь, и не помню. Проснулись где-то в полдень. Водки ещё море. Мяса полведра. Что делать? Продолжать, конечно, же. Дядя Дима отказался, ну, а мы с близнецами так устряпались, что еле языками ворочали. В общем, напились в усмерть. Часов в пять вечера будит нас дядя Дима – домой пора ехать.

Собрались кое-как. Опохмелились напоследок и вроде бы садиться в машину хотели, как Санька вдруг и говорит:

– А голову козлиную так на берегу и оставим? Жалко ребята. Знатные рога. Давай, с собой заберём. Я её на стену повешу. Чего добру пропадать?

Спорили, спорили и решили голову тряпкой обмотать, да сверху на грузовую решётку привязать. Привязали и тронулись. Я с дядей Димой на переднем сиденье, а близнецы на заднем. Минут через пять я заснул. Проснулся от какой-то ругани. Открываю глаза, смотрю – прямо перед машиной дядя Дима с двумя милиционерами о чём-то спорит. Думаю: «Надо помочь!». А пьяный ведь, дурак. Сиди себе, да сиди. Чего на задницу приключений искать? Дак нет! Вылез, значит, подхожу и слышу:

– Ты представляешь, Сергеев? Голову поднимаю, а из крыши машины чья-то голова высовывается, да с рогами. Как понял, что козлиная, то чуть со смеху не помер. Ни разу такого не видел. Ну, что будем с ними делать?

И тут решил вступить в спор я. Водка ещё в ушах плещется, а туда же:

– Товарищи милиционеры! – говорю. – Вы знаете, чья это машина?

– Кто же этого не знает? – отвечают они.

– Так почему же вы её останавливаете? Неприятностей захотели?

– А вы, товарищ, – говорит милиционер, – сами посмотрите на это чудо и подумайте, как можно было не остановить такую машину.

Обернулся я и обомлел: голова козлиная из тряпок развернулась и встала каким-то образом на шею, уперев рога в небо. Глаза козлиные печально и укоризненно смотрели пря-

мо на меня, и его огромная козлиная борода развивалась по ветру. Впечатление такое, что живой.

– Ну, и что? – упорствую я. – Я ещё раз спрашиваю. Вы знаете, чья это машина?

– Знаем, – как-то смущённо произнесли они. Вот это и сбило меня с толку.

– Вы что же считаете, что первый секретарь обкома после трудовых будней не может позволить себе отдохнуть?

– Козловозка поехала.

Об этом знали все, и стерпеть такое без отмщения хозяин дяди Димы не смог. Так меня и упрятали за решётку. Мне сначала казалось, что всё это случайно со мной произошло, но через какое-то время понял, что случайностей в жизни не бывает. За всё, что происходит с человеком, он несёт ответственность сам и, если тебе вдруг вздумается в своём несчастье обвинять кого-то другого, то будь готов к тому, что с тобой опять случится какая-нибудь неприятность. Вот такая, Витёк, философия. А знаменитая фраза: «За козла ответишь!» – как раз с моего случая и пошла гулять по миру. Наверное.

– А мы что-то здесь первого секретаря не видим.

– Ах, вы не видите? – перешел я на крик.

– Не это ли, по-вашему, первый секретарь? – спросил сержант и указал на козлиную голову.

– А хоть бы и так. – завёлся я, не понимая уже, что говорю. – Какое имеете право останавливать машину первого

секретаря?

– Ну, товарищ, – заявили они разом, – если вы с такой точки зрения ставите вопрос, то дело принимает совершенно другой поворот. Поэтому, извините, но вам придётся проехать с нами в отделение. Там вы и поясните, почему вы козлиную голову за первого секретаря выдаёте, да и где вы эту голову вообще взяли.

– Вот так я и влип. С козлом вроде бы всё обошлось. Заплатили деньги, и претензий к нам не было никаких. А вот за первого секретаря мне всё-таки ответить пришлось. С первого дня по городу стала расползаться эта история, обрастать слухами и небылицами, как это бывает обычно. Но беда была в том, что люди, видя проезжающую машину, вполголоса шептали друг другу:

– Козловозка поехала.

Об этом знали все, и стерпеть такое без отмщения хозяин дяди Димы не смог. Так меня и упрятали за решётку. Мне сначала казалось, что всё это случайно со мной произошло, но через какое-то время понял, что случайностей в жизни не бывает. За всё, что происходит с человеком, он несёт ответственность сам и, если тебе вдруг вздумается в своём несчастье обвинять кого-то другого, то будь готов к тому, что с тобой опять случится какая-нибудь неприятность. Вот такая, Витёк, философия. А знаменитая фраза: «За козла ответишь!» – как раз с моего случая и пошла гулять по миру. Наверное.

у, товарищ, – заявили они разом, – если вы с такой точки зрения ставите вопрос, то дело принимает совершенно другой поворот. Поэтому, извините, но вам придётся проехать с нами в отделение. Там вы и поясните, почему вы козлиную голову за первого секретаря выдаёте, да и где вы эту голову вообще взяли.

Клава

Рассказ

– Я, Витя, тебя не очень понимаю. – сказал Петрович, остановившись напротив Виктора.

– Ты о чём это Петрович? – спросил Виктор.

– Ты так и думаешь до смерти бобылём прожить?

Виктор задумался, поразмышлял некоторое время и обратился к Петровичу с вопросом, не зная, видимо, точного ответа:

– А ты чего это вдруг об этом заговорил?

– Как чего? Молодой ещё, здоровый, всё при тебе, а без семьи. Нельзя без семьи.

– Ты же знаешь, Петрович, что у нас с Ольгой случилось. Я бы и не против всё забыть и начать жизнь с нового листа, да она ни в какую.

– Знать-то знаю, но ведь три года как разошлись. Сколько ещё жить в одиночестве? Баб–то кругом... Только пальцем помани, от претенденток отбоя не будет. Неужели никто не нравится?

– Ну почему же?

– Так в чём же дело?

– У меня после развода с Ольгой какое-то предубеждение к женщинам. Да нет. Не так. Уверенность во мне какая-то

пропала.

– Что это, скажи на милость, за уверенность?

– Не знаю даже, как и объяснить.

– А ты попробуй.

– Ну вот, например, нравится мне женщина, а даже просто подойти поговорить, смелости не хватает. А, если всё-таки и подойду, то несу такую чушь, что за себя стыдно.

– Так есть кто-то на примете или нет?

– Да есть одна. Ты её, наверное, знаешь. Татьяна.

– Это какая же Татьяна? – оживился Петрович.

– На въезде в наше товарищество домик у них. С мамой вдвоём живут.

– Светланой Павловной?

– Ну да.

– Так за чем же дело стало? Хорошие женщины, – одобрил старик.

– Не знаю, Петрович. У них с Васькой Котовым вроде какие-то симпатии.

– С чего ты это взял?

– Как с чего? Как не увижу их вместе, так о чём-то вечно разговаривают, смеются.

А встретит его, так обязательно улыбнётся.

– И это всё? – удивлённо спросил Петрович.

– А мало? – нервно отреагировал Виктор. – Мне-то, сколько знакомы, раза два всего и улыбнулась.

– Это ни о чём не говорит, Витя. Однако, если ты всё-таки

прав, то и у нас найдётся средство, как завоевать её сердце.

– Это как же?

– Всё в жизни просто, Витя, – начал своё наставление Петрович. – Сам понимаешь, что не с нас с тобой жизнь началась. И до нас жили люди. И до нас была неразделённая любовь. Надо просто обратиться к народному опыту.

– Это к какому же интересно?

– Надо тебе, Витя, вшей завести, – совершенно серьёзно сказал Петрович.

– Чего? – удивлённо, и даже несколько обиженно спросил Виктор.

– Вшей, – подтвердил Петрович. – Я тут недавно узнал, что в средние века в так обожаемой некоторыми нашими гражданами Европе рыцари не только бились на турнирах и отправлялись в военные походы совершать подвиги ради дамы сердца, но и использовали другие более изощрённые методы.

– Ты, Петрович, давай-ка, не темни. Если есть, что посоветовать, так советуй. А всякую чепуху мне рассказывать не надо.

– И совсем не чепуху. Всё совершенно серьёзно. Весь секрет в том, что они раньше совсем не мылись. Считали тамошние доктора, что мыться – вредно для здоровья. Что, мол, поры тела открываются и впускают в себя всякую заразу, от которой человек может заболеть и даже умереть. Оно так и было. Мылись и болели. Но болели они потому, что

мылись все в одной и той же воде по причине её дефицита, начиная от кухарки и заканчивая королём. Поэтому со вшами у них, сам понимаешь, никаких проблем не было.

– А причём здесь всё-таки вши?

– Это ещё интересней. Какой-нибудь знатный кавалер, видя, что его ухаживания не оказывают на даму сердца нужного воздействия, находил среди своих вшей предпочтительно самую большую и напившуюся его крови, и незаметно пересаживал её на даму сердца, считая, что, когда его посланница приступит трапезничать его возлюбленной, то их кровь смешается, и тогда уж её сердце будет обязательно покорено. Вот так, Витя. Завёл вшей, пересадил на зазнобу и она твоя.

– Петрович! Я ж серьёзно, а ты... – укоризненно сказал Виктор, махнув рукой.

– Да куда уж серьёзней? – лукаво улыбнулся старик.

– Хватит, Петрович! Сейчас Европу костерить начнёшь.

Ты же знаешь, как я не люблю все эти разговоры.

– Ну, хватит, так хватит, – согласился Петрович.

– Ты бы лучше рассказал, чем дело с козлом закончилось.

– С козлом-то? Да чем? Известно, чем – тюрьмой. Дали мне полтора года и отправили лес валить. Толком я этот срок и не запомнил. Так уставал, что, будто в тумане всё пролетело. Да и сидел я всего год. А там по УДО и выпустили. Но, сам знаешь, пришла беда, отворяй ворота. Мама у меня и так больная была, а как со мной всё это случилось, так и совсем заболела. Очень хотела дожидаться меня из тюрьмы.

Дождалась. Две недели мы с ней порадовались, и умерла мама. Тихо умерла. Незаметно. Так, чтобы никому не доставить неудобства. Как жила, так и умерла. Хорошая была у меня мама. Только что я тогда понимал? Только о себе и думал. Да-а... – протянул Петрович, – вернуть бы всё назад, дак я бы с неё пылинки сдувал.

Задумался, понутив голову. Через какое-то время очнулся от своих мыслей, глаза его озорно блеснули, и он продолжил:

– После похорон, когда копался в маминых документах, обнаружил сберкнижку на три тысячи рублей. В те времена, Витя, три тысячи были огромные деньги. Только что начали выпускать первые «Жигули», так машина четыре стоила. Но, чтобы в наследство вступить, надо было подождать какое-то время. Не помню уж сколько, но не очень долго. Но, только и это время надо было как-то прожить, что-то есть, пить, а денег не было совсем. Тут мне дядя Дима помог. Устроил в бригаду к шабашникам, коровник в колхозе строить. Проработал я у них всё лето. Тяжело, конечно, было. Минимум по двенадцать часов в день работали, но мне это на пользу пошло. Очухался я от свалившихся на меня несчастий. Хоть и не совсем, но всё-таки жизнь не казалась уже такой беспроблемно несправедливой и жестокой. Заработали около восьмисот рублей на брата. Деньги есть, а что делать дальше и не знаю. Не привык к одиночеству.

Здесь опять дядя Дима подсобил. Помог вернуться в ме-

ханосборочный. А поначалу брать-то на работу не хотели. Уголовников, мол, у нас тут не хватало. Но, слава Богу, сверху поднадавили и всё устроилось. Так и началась моя взрослая одинокая жизнь. Мыслей жениться не было совсем. Не знаю уж почему, но, даже и в голову не приходило, чтобы завести семью. Молод, наверное, ещё был. Но, мысли мыслями, а как скрасить одиночество после работы, не очень себе представлял. С девушками у меня, кстати говоря, тоже не очень складывалось. Решил я тогда купить себе собаку. С детства об овчарке мечтал. Ну, что ж. Решил и купил. Так и зажили мы вдвоём. Через какое-то время разрешили пользоваться маминым вкладом. Дядя Дима, кстати говоря, был не только заядлым рыбаком, но и охоту не забывал, и по его совету купил я хорошее охотничье ружьё. Так жизнь и стала приобретать какую-то стабильность. Появились какие-то обязательные ежедневные обязанности, но все они в основном были связаны с Шариком. Имя я ему дал вроде бы не очень подходящее для овчарки, но мне оно нравилось. Утром до работы выходил с ним на прогулку. После работы тоже. Так что скучать времени не оставалось. Гуляли мы вечером подолгу. Приходили уставшие и голодные. Ужинали вместе и спать. Однажды, после затянувшихся дождей, пошли мы с Шариком на очередную прогулку. С неделю не гуляли. Кругом всё сыро, на дорогах лужи, что озёра, но собаке, известное дело, всё нипочём. Убежал Шарик, по кустам шныряет, да запропастился где-то, а я иду себе по обычно-

му нашему маршруту. Знаю, что он где-то рядом, потому и не беспокоюсь. Подхожу к нашему парку культуры и отдыха. Посреди улицы – огромная лужа. Места, чтобы пройти дальше, почти нет. Только узкая тропинка вдоль парковой ограды. На той стороне лужи, пытаюсь определиться с дальнейшим маршрутом, стоит, покачиваясь, совершенно пьяный мужик.

Пойти по тропинке я, само собой, не решился, так как предугадать его дальнейшие действия было невозможно. Я остановился и позвал Шурика, решив, что пора возвращаться домой, так как эта встреча почему-то внушала опасение. Шарик не появлялся. Я позвал ещё громче. Мужик осознал моё присутствие и уставился на меня совершенно пустым взглядом. Проблески сознания, явственно появлявшиеся в его глазах, почему-то напомнили мне азбуку Морзе с терпящего бедствие корабля. Я, предвидя неминуемое столкновение, ещё раз позвал Шарика. Мужик, всё также пристально и бессмысленно глядя на меня, вдруг встрепенулся и неожиданно произнёс:

– Клава! Как ты могла?... Меня?... Променять на какого-то Шурика? – покачиваясь, икая, и не очень членораздельно прокричал мужик. Я от неожиданности оторопел и, наверно, также бессмысленно посмотрел на него.

– Молчишь? – спросил мужик. Его глаза стали наполняться слезами, а лицо покраснело, становясь бордовым от наполняющей его ярости. Он сжал кулаки, прижал подборо-

док к груди и, заорав «изменщица», бросился на меня. Сделав несколько неуверенных шагов, поскользнулся и кулем свалился на землю, упав лицом прямо в лужу. Не осознавая происходящего, стал барахтаться в луже, взывая на помощь:

– Тону! – кричал мужик, приподнимая голову над поверхностью лужи. – Помогите!

Появившийся как из-под земли Шарик схватил мужика за куртку и рывком вытащил на сухое место, однако это не остановило терпящего бедствие, и он продолжал всё также взывать о помощи.

– Где тебя носило? – с упрёком обратился я к Шарику. Тот укоризненно посмотрел на меня и, вильнув хвостом, повернул к дому.

Вечером ко мне зашёл дядя Дима, которому я и рассказал эту историю. Да, по правде говоря, лучше бы и не рассказывал. Он, конечно же, поделился ею с близнецами, и довольно продолжительное время они называли меня то «Клавой», то «изменщицей».

Через какое-то время пригласил меня дядя Дима на охоту на уток. С близнецами, конечно. Выехали с утра пораньше. Остановились недалеко от озёр, выпустили Шарика, которого я после той самой памятной встречи стал называть Шуриком, взяли ружья и пошли. Идём, разговариваем, смеёмся во весь голос. До скрадка ещё далеко, так что не стесняемся, а Шарик по камышам шныряет. То вперёд забежит, то вернётся. Идём, значит, веселимся. Вдруг слышим голос:

– Да тише вы! Разорались тут! Всех уток распугаете!

Вздрогнули мы от неожиданности. Видим, Шарик из камышей выходит и укоризненно смотрит на нас. Остановились, притихли, а Шарик хвостом махнул, развернулся и опять в камыши. Понял я, что за собой вроде как зовёт. Пошли мы за ним, а там... стая. Уток шестьдесят прямо у берега плавают. Тут уж мы не растерялись. С трёх стволов, дуплетом, как шарахнули. Больше десятка сразу положили. Охота в тот раз, в общем, удалась на славу. Не думал я тогда, что овчарка может на охоте пригодиться, но Шарик убедил меня в обратном.

Так и потекла моя жизнь. Отошёл я от всего случившегося со мной. Оттаял, в общем. С утра на прогулку с Шуриком, потом на работу, а после работы вечерний моцион.

Как-то гуляли мы с Шуриком вечером. Припозднились что-то. Решил я домой возвращаться. Иду, размышляю о всякой всячине и вдруг, как из-под земли, предо мной два парня объявились. Чуть носом к носу не столкнулись. Руки в карманах. В глазах – угроза. Понял я, что ничего хорошего мне эта встреча не принесёт. Стало страшно, но в таких случаях поддаваться страху – последнее дело.

– Здорово, – говорит один из них. Видно заводила.

– Здоровее видали, – нагло отвечаю я, а у самого в голове одна мысль: «Где этого придурка опять носит? Пока все кусты не оросит, никак не успокоится». Но делать-то нечего. Смотрю на парней снизу вверх. Они оба на голову меня

выше. Оторопели они сначала, а потом заводила, усмехнувшись, говорит:

– А грубить-то зачем?

– А я и не грублю, – дерзко отвечаю. – Если что надо, говори. А нет, так и шагайте себе дальше.

– Как же это не грубишь? – спрашивает заводила. – Грубит? – спрашивает он, обращаясь к товарищу, и, не дождавшись от того ответа, опять обращается ко мне. – А за грубость платить полагается, – добавляет он и вытаскивает руки из кармана. – Иль не знал?

– Чего надо? – обнаглев от страха, спрашиваю я.

– Сначала за грубость ответишь, а потом и объясним, что нам надо, – сказал заводила, и что есть мочи саданул меня между ног. Впечатления и ощущения от этого я описывать тебе не буду, потому что всё это будет приблизительно и неточно. Пока сам не испытаешь, не поймёшь. Да только лучше тебе не испытывать этого никогда.

Свалился я на асфальт, а они давай меня мутузить почём зря. Как я орал! Как я тогда орал. От боли, от обиды, от злости. На них, на Шарика, на весь мир. Услышал мой вопль Шарик, бежит, издали лай его услышал. Парни-то видно сообразили, что собака моя, и наутёк. Я тут про всю боль забыл. Вскочил и вслед за ними, а Шарик меня в момент догоняет и мимо как курьерский несётся, голову поворачивает и кричит человеческим голосом:

– Которого берём?

Я-то в пылу погони не обратил на это внимания и ору:

– Правого! Правого давай! Это он меня детей хотел лишить! Догоняет Шарик заводилу и прыг ему на спину, тот и свалился. Встал ему на грудь лапами, пасть к горлу приблизил, рычит и ждёт меня. Подбегаю, и злорадно вопрошаю заводилу:

– Знаешь, что означает мудрёное слово «сатисфакция»?

Тот мотает головой, нет, мол.

– Сейчас узнаешь, – успокаиваю я его. Разбегаюсь я и пробиваю пенальти. Я в футбол очень любил играть. Удар у меня был, что надо. А забить гол между ног – это же высшее наслаждение. Как он тут заорал. Как он красиво заорал, Витя. Если б ты слышал. Шурик понял, что всё закончено, подошёл ко мне и сел. Я наклонился над заводилой, который катался по асфальту с боку на бок, подтянув ноги к груди, и ласково эдак пояснил:

– Вот это и есть сатисфакция, милый друг.

Таким вот образом, Витя, некоторые товарищи пополняют свои познания в области филологии.

Развернулись мы с Шуриком и пошли домой. Идём, а я от удовольствия аж песни петь начал. Приходим домой. Я Шарикку по такому поводу косточку сахарную достал. А как же? Заслужил. Спасителю положено. Грызёт он, а я всё события, произошедшие в голове, прокручиваю, заново переживаю. И тут, как током меня ударило: «А кто же у меня спрашивал «Которого берём?»». Смотрю на Шарика эдак недоверчиво, а

потом думаю: «Была не была», и спрашиваю у него:

– Шарик! Ты что же по-человечески разговаривать умеешь?

– А то, – отвечает Шарик, продолжая грызть кость.

– А что ж ты раньше молчал?

Шарик бросил кость и говорит:

– Будь ты повнимательнее, давно бы это знал. А выпячиваться я не люблю. Зачем?

– Как это давно?

– Помнишь, ты ружьё купил, и на охоту ходили?

– Помню, конечно. Ну и что?

– Как что? А кто вам сказал, чтобы потише разговаривали и что утки рядом?

– Не знаю, – недоумённо признался я, вспоминая тот день.

– Вот то-то и оно, что не знаешь. Я это сказал, а вы друг на друга подумали. Потому и не обратили внимания.

«А ведь и правда! – подумал я. – Мы тогда друг с другом разговаривали, озёра из-за камыша видно не было, так что предупредить мог только Шурик. И именно этот вывод, а не сам факт того, что я только что разговаривал с собакой, убедил меня в том, что это не сон.

– Да брось ты заливать, Петрович! – смеясь, перебил его Виктор.

– Чудак–человек! – удивлённо воскликнул старик. – Неужели не веришь? А Булгакова читал? «Собачье сердце?» На весь мир известный писатель, про между прочим. И что

же? Есть сомневающиеся? Что-то не слышал.

– Так там же совсем другое. Там же всё в иносказательном смысле, – пытался поспорить Виктор.

– Не знаю, в каком таком иносказательном смысле, а вот было такое, и человек прославился на весь мир. Да если бы я мог так красиво написать, то и я бы знаменитым стал.

– Ну, не знаю, – примирительно сказал Виктор, видя, как осерчал старик.

– А не знаешь, так и не перебивай, а слушай дальше. Ну, так вот. Интересная история получается. Больше двух лет вместе живём, а я только сейчас узнаю, что у меня собака разговаривать умеет. От такой новости не только голова кругом пойдёт, обалдеть можно. Сгонял я с утра в магазин. Водки бутылку купил. Принёс домой и думаю, кого бы позвать поделиться новостью. Понимаю, что без бутылки тут никак не обойтись. Держать такое в себе никаких сил не было. Это же надо? Говорящая собака! Да, скажи я кому, никогда бы не поверили. Думал я, думал, и решил кого-нибудь из близнецов позвать. Лучше Мишку. Он посерьёзней как-то. Ему, думаю, и откроюсь. Сбегал я к нему. Выходной как раз был. Зову к себе. Приходит он, а у меня уже и стол накрыт.

– Что за праздник? – спрашивает.

– Почему же обязательно праздник? Неужто старые друзья в выходной день не могут просто так посидеть, хлопнуть по рюмашке, о жизни поговорить?

– Ну, почему же не могут? Могут, конечно, – согласился

Мишка.

– Ну, если могут, то садись за стол, примем по маленькой.

Выпили мы по одной, закусили. Выпили по второй. Ещё закусили, и тут Мишка и говорит:

– Скучно живём что-то.

– А чего вдруг скучно? – спрашиваю я.

– В суете, как в паутине. Нет в нашей жизни ничего необычного, и от этого грусть на сердце, – поясняет он.

– Ну, как же это нет ничего необычного? Есть необычное, только мы его не замечаем.

– И что же, например? – спрашивает он.

– Шурик, например, – отвечаю я. Я после того, как узнал, что он умеет говорить стал называть его Шуриком. Несolidно как-то для говорящей собаки Шариком быть.

– Что Шурик? – опять спрашивает он.

– Шурик разговаривать умеет, – говорю.

– Что умеет?

– Разговаривать.

– Ты который день пьёшь, друг?

– Да вот те крест, умеет.

– Шурик? Умеет разговаривать? – эта новость его почему-то так развеселила, что он начал безудержно смеяться. Тут в комнату заходит Шурик. Остановился и внимательно так смотрит на Мишку. А тот, захлёбываясь от смеха, тыкает пальцем в сторону Шурика, и сквозь смех, не унимается:

– Этот? Разговаривать? – и новые приступы хохота сотря-

сают его. Шурик, видя такое беспардонство и неуважение по отношению к себе, подходит к Мишке, обнюхивает его брючину, поднимает заднюю ногу и мощная струя ударяет в Мишкины брюки. Тот, не поняв поначалу, в чём дело, продолжает смеяться, но, постепенно смысл происходящего доходит до его сознания и улыбка постепенно стекает с его губ. Его лицо принимает сначала несколько недоуменное выражение, а затем начинает густо краснеть, наливаясь яростью:

– Меня? Это что же такое на свете твориться, граждане? Чтобы честного человека посреди бела дня? Какая-то безродная тварь? Чтобы она гадила на его почти новые брюки? – начал разоряться Мишка. – Да где ж это видано, а?

Не успел он закончить последнюю фразу, как Шурик поднялся на задние лапы, а передними упёрся Мишке в грудь. Мишка опешил, заткнулся и испугано уставился на Шурика.

– А ты говоришь ничего необычного, – вдруг вставляю я, не зная, как реагировать на ситуацию.

– Ты, Витя, ни разу не видел, как собаки плюются? – прервав рассказ, спросил Петрович.

– Откуда? – спросил Виктор.

– Нет? Почисте твоего верблюда. Так вот, постоял Шурик таким образом какое-то время, да как плюнет Мишке в рожу. Тот и вовсе замер. Слюна по лицу, да по рубашке стекает. Липкая. Вонючая. Собаки-то зубы не чистят. Теперь пришла моя пора смеяться. И почему-то именно это показалось Мишке самым обидным. Встаёт он, слюну собачью с лица

утирает и, чуть не плача, укоряет меня:

– Ах, ты так! Ты, значит, так! Вот ты какой оказывается! – повторяет он и уходит. Мы с ним потом почти год не разговаривали, но тайну того, что произошло, сохранили.

Когда Мишка ушёл, я спрашиваю Шурика:

– Ты что же, слова не мог сказать?

– А зачем?

– Как это зачем? А хвастуном меня выставить, это как, по-твоему?

– А ты меня спрашивал, когда Мишку приглашал? Тебе-то что? Ты похвастался, а мне как потом жить? Проходу ведь не дадут. Да и тебе тоже.

– А ведь и верно, – повинился я. – Не подумал как-то.

– Вот именно, не подумал. Всё у вас людей так – сначала сделаете, а потом не знаете, как расхлебать. Прожил у меня Шурик где-то с год, а потом и убежал. Двери я никогда с тех пор на замок не закрывал. Про Шурика все знали, так что сунуться никто бы не посмел. Прихожу как-то с работы, а его нет. Подумал, гуляет где-то. Ну и пусть гуляет. Дня три его не было. Забеспокоился я. А тут обратил внимание, что магнитофон открыт. Включил я его и слышу голос Шурика:

– Прости, если сможешь. Не могу больше. Скучно у тебя. Пойду, мир посмотрю. Не обижайся. Всегда твой друг, Шурик.

– Так и не вернулся ко мне, – закончил Петрович и потянулся за сигаретой.

– Фантазёр ты всё-таки, Петрович. – улыбнувшись, сказал Виктор. – Надо же придумать – говорящая собака.

– Да не в собаке тут вовсе дело, Витяня. Говорящая она или не говорящая, – хмуро возразил Петрович.

– А в чём же?

– Ты сам себе был когда-нибудь противен?

– Даже не задумывался над этим, – признался Виктор.

– Вот именно, не задумывался. Я в молодости тоже мало о чём задумывался. Но, хорошо помню, что вся моя молодость, все мои мысли и желания были посвящены одному – удовлетворению моих собственных хотелок. И на всё, и на всех мне было абсолютно наплевать. Только я, я и я! Центр мироздания! Неудивительно, что от меня такого даже собака сбежала. Как вспомню, так стыд до слёз пробирает.

Мужик ты или нет

Притча

В дневных заботах и не заметишь, как подкрадутся сумерки, и день угаснет. Хотя для Карелии в летний период понятие «день угаснет» носит чисто психологический характер. В реальности же, сколько бы ночь не пыжилась, пытаюсь всё-таки омрачить сумерки, ничего у неё не выходит. Ближе к августу начнёт осиливать, а пока

На «семейном» совете решили новую баньку поставить. Старая совсем обветшала. Долго думать не привыкли ни Виктор, ни Петрович. Как только подсчитали свои финансовые возможности, так сразу и приступили. Чего ждать? Строительством, понятное дело, занялся Виктор. Из Петровича какой строитель? Стар, да и в этом деле не сказать, чтобы дока. Если и высказывал какое-то своё мнение, то только так, для порядка, чтобы хоть как-то обозначить свою причастность к делу. Закупили стройматериал и принялись за дело. Дождей этим летом было необычно мало. Вроде бы и хорошо для строительства, а вот с урожаем грибов – просто беда. Но об этом как-то не думалось. Все мысли были обращены к строительству.

Вставали спозаранку, завтракали, и за дело. Виктор оправлялся на стройплощадку, а Петрович принимался за

домашнее хозяйство. Так и трудились, не покладая рук, с коротким перерывом на обед, весь день. Вот и сегодня, с трудом уняв рабочий зуд, Виктор собрал инструменты, отнёс в кладовку, зашёл в дом, взял полотенце, и, перекинувшись с Петровичем (старик возился на огороде) ничего не значащими фразами, отправился к озеру на ежедневный водный моцион. Озеро встретило Виктора лёгкой рябью и брызгами отблесков закатного солнца. Раздевшись, он постоял мгновение, прищурился и, наслаждаясь необъяснимой радостью от единения с природой, вздохнул и медленно пошел в воду. Он очень любил входить именно так, потихоньку. Вода медленно поднималась по мере удаления от берега, щекоча тело и слегка захватывая дух. Батя научил. Считал, что это воспитывает силу воли. Так это или нет, Виктор до сих пор не знал, но привычку, которая бессознательно связывала его с детством, сохранил.

Освежившись и почувствовав прилив сил, он отправился домой, планируя завтрашние работы. Размышления прервал вопрос Петровича:

– Витя! Ты ужинать готов?

– А что? – отозвался Виктор.

– Я тут на зорьке плотвичек надёргал. По–карельски приготовил. Давай к столу.

– С удовольствием. Проголодался изрядно. Полотенце вот только повешу, – согласился Виктор и направился к дому.

Дружбу этих двух совершенно разных по возрасту муж-

чин можно было объяснить не только их соседством, но, в какой-то степени, и общностью их жизненных невзгод (мы ещё расскажем об этом в своё время), которые они молча и безропотно переносили. Никто из них не жаловался ни на судьбу, ни на Бога, ни на что-то ещё вообще. Мужики, одним словом.

Повесив на верёвку полотенце, Виктор направился во двор к Петровичу. Забора между участками не было по той причине, что он с течением времени превратился в труху, и начал разваливаться. Восстанавливать его не стали, поскольку смысла в этом не было никакого. Каких-то земельных споров между ними не возникало в принципе (как-то даже в голову не приходило), посему труху разобрали, сожгли, и на этом вопрос был исчерпан. Да и хозяйство у них было общее: два десятка кур, три хрюшки, да огород. Холостякам вполне хватало. Была в хозяйстве и старенькая, но вполне добротная «Нива», на которой они, время от времени, наведывались при необходимости в город. Петрович регулярно, раз в месяц, посещал церковь – исповедоваться и причаститься. Виктор, хоть и утверждал, что в Бога верит, но в Церковь заходил только затем, чтобы поставить свечку. Всё остальное считал ненужным. Петрович не разубеждал его. Вера – дело сугубо личное. После службы отправлялись по магазинам, закупали всё необходимое и возвращались домой. Неудобства, связанные с отсутствием свежего хлеба, вынудили их купить хлебопечь и выпекать хлеб дома. Так что, в основном,

покупали что-то по мелочи, если дело, конечно, не касалось таких вопросов, как строительство бани. Петрович, понятное дело, получал пенсию, а Виктор зарабатывал на пропитание то сбором ягод и грибов, то строительством бань или даже домов. Работать в городе Виктор не мог чисто по финансовым соображениям. Только на бензин уходило бы больше половины зарплаты, так как на хорошо оплачиваемую работу по причине недавнего возвращения из «мест не столь отдалённых» его не брали, поэтому и пришлось выбрать такой способ заработка. Трудновато пришлось только в первый год такой жизни. Ни ягодных мест не знал, ни заказов особенных не было. За год только одну баньку и поставил. Однако банька настолько удалась, что на следующий год от заказчиков не было отбоя, поэтому денег, чтобы безбедно пережить зиму, теперь хватало с лихвой.

Жили они, в общем-то, обособленно. Соседей не сторонились, но и в друзья не набивались. А слухи о том, что они оба, каждый в своё время, побывали за решёткой, возвели незримую преграду между ними и остальными жителями садового товарищества. И, хотя жили они в товариществе уже пятый год, и за это время не случилось даже какого-то мелкого недоразумения между ними и соседями, эта стена опасливой осторожности и предубеждённости так и сохранялась между ними. Соседей тоже понять можно. Что там в голове у бывших уголовников, поди, разберись. Вроде бы и алкоголем не злоупотребляли, и с вопросами «Ты меня уважаешь?» ни

к кому не лезли, но... Бережёного Бог бережёт!

У дома Петровича, метрах в пяти–шести, росла большая кряжистая сосна, рядом с которой стоял деревянный самодельный столик, да две лавочки вдоль него (Виктора работа). Метрах в трёх от земли над столом висела электрическая лампочка. Повесили повыше, чтобы насекомые не докучали. А под лампочкой висела небольшая железная сетка, куда падали насекомые, привлечённые светом, и нашедшие смерть по причине своего любопытства. Сетку повесили вынуждено, так как поначалу испытывали большое неудобство, вылавливая всякого рода летающую живность из своих тарелок. Не панацея, конечно, но количество нежелательных добавок к их вечернему столу, заметно уменьшилось. Рядом со столом уже дымился дровяной старинный самовар литра на три. От прежних хозяев остался. Виктор, когда нашли его на чердаке, не хотел даже и думать о том, чтобы пользоваться им, однако Петрович настоял. Очистил от накипи и грязи и изнутри, и снаружи, отполировал, и самовар признательно засверкал и вдохновенно запыхтел, всем своим видом приглашая на чаепитие. Стол был уже частично накрыт: тарелки, вилки, большие чайные чашки и нарезанный хлеб были аккуратно расставлены на столе.

Петрович, как, впрочем, и Виктор, любил порядок во всём, давно поняв, что порядок упрощает жизнь и заметно экономит время и нервы.

– Тебе помощь нужна? – спросил Виктор, подходя к столу.

– Не, не надо. Заканчиваю уже, – донёлся из дома голос Петровича.

Не успел Виктор присесть, как появился Петрович, неся перед собой большую сковороду, накрытую крышкой, из-под которой вырывался пар.

– Ну, вот, – с облегчением выдохнул Петрович, поставил сковороду на подставку, приоткрыл крышку, откуда повалил духманистый пар и, втянув в себя воздух, прикрыл глаза и прошептал: «Лепота!»

Помолившись перед принятием пищи (надо сказать, что делали они это по настоянию Петровича, так как старик был убеждён, что обо всём надо просить Бога и за всё Его благодарить), мужчины уселись за стол.

– Удивительно! – воскликнул Петрович, удовлетворив первый голод. – Вот, казалось бы, никаких тебе изысков: рыба, лук, перец, лаврушка, соль и вода, а вкуснотища – пальчики оближешь.

Виктор, ничего не ответив, с интересом посмотрел на Петровича, предугадывая долгий разговор. Вечерние посиделки, которые, порой, случались у них после совместного ужина, часто проходили в таких беседах. В основном, конечно, говорил Петрович, но повествовал, порой, об очень интересных и совершенно неожиданных вещах. Жизненный опыт и начитанность старика, иногда в самых разнообразных областях, делали эти беседы разнообразными и интересными. И, если поначалу Виктор немного тяготился этими разговора-

ми, то в последствии и сам стал принимать в них участие, особенно, если речь шла о каких-нибудь общеизвестных вещах и событиях.

Покончив с рыбой, Петрович собрал все кости в отдельный пакет, чтобы закопать их потом где-нибудь в огороде. Всё природного происхождения считалось у него удобрением. Может поэтому, а может и по каким-то другим причинам, урожаи на их участке всегда были хорошие.

По обоюдному соглашению кухонными вопросами занимался Петрович. Убрал со стола грязные тарелки, он поставил на стол ухающий самовар и наполнил две большие чашки ароматным чаем. Чай любили пить вприкуску, без пирогов, бутербродов и печенья. Плошка кускового нерафинированного сахара возвышалась посредине стола. Кусок сахара макали в горячий чай, высасывали образовавшийся сладкий сироп, и запивали его ароматным чуть обжигающим чаем. За трапезой не разговаривали – не принято. Закончив ужинать, когда посуда была вымыта и убрана, потянулись за сигаретами, и, закурив, молча сидели за столом, наслаждаясь приятной сытостью.

– Ты мне скажи, Витя, много ли надо человеку для счастья? – начал Петрович. – Да и что такое счастье, вообще?

– Не думал я как-то об этом, Петрович, – ответил Виктор.

– Вот и я не думал, – после некоторого молчания произнёс старик. – Всё некогда было. Куда-то стремился, что-то делал, что-то кому-то доказывал, на кого-то обижался, кого-то, как

мне казалось, любил, а потом его же и ненавидел непонятно за что. Ты понимаешь? И удивляет меня одно: почему я раньше никогда не думал об этом? Но в результате оказывается, Витя, что вспомнить, в общем-то, и нечего.

Вся жизнь моя – какой-то один сплошной дурдом. И главный вопрос «для чего жил» так и остался без ответа. Не знаю, Витя, для чего жил. Смысла в моей жизни не было. Цели. Понимаешь? И это меня пугает.

– Зря ты так, Петрович. Все так живут. Ну, не все, конечно, но большинство.

Чайковскими, Пушкиными или Королёвыми могут быть единицы.

– Я не об этом. Я о том, что жил во лжи, опирался на ложные понятия и считал, что так и должно быть.

– Поясни.

– Я обо всём этом начал задумываться, когда разошёлся с женой. Тоже, кстати говоря, поучительная история. Я во время перестройки, так же, как и большинство из тех, кто занялся бизнесом, ударился во все тяжкие. Вся жизнь превратилась в одно единственное стремление добывания денег. Вспоминая это время, до сих пор удивляюсь той власти, которую надо мной имели деньги. У меня кроме денег, алкоголя и женщин, других интересов не было. Пропали. Абсолютно. Я прекрасно помню, что очень дорожил семьёй и детьми, но, бросившись как в омут в этот мир наживы, я совершенно забыл о семье. Я просто–напросто перестал о ней думать. То

есть, те чувства, которые были для меня крайне важны, как-то сами собой исчезли из моей жизни. Более того, я перестал думать о чём-то другом кроме денег вообще. Помню, как-то сидел я в гостинице, в номере люкс, попивая шампанское и, вспомнив о семье, позвонил домой. Когда узнал от жены, что живут они впроголодь, очень удивился, считая, что я достаточно много посылал им денег, совершенно забыв, что деньги я посылал три месяца назад. Представляешь? На три месяца совершенно как бы выпал из жизни. Забыл, что где-то живут родные мне люди, которые любят меня и нуждаются в моей помощи.

– Я, Петрович, с трудом могу себе такое представить.

– Я и сам, скажи мне раньше кто-нибудь, что такое возможно, вряд ли бы этому поверил, но факт остаётся фактом. Более того, я скажу тебе, что эта забывчивость стала нормой жизни. Я мало-помалу совершенно охладел к жене и детям. Даже приезжая на короткое время домой, стал искать предлоги для того, чтобы уехать куда-нибудь вновь. Жена долго терпела, но развязка, конечно же, наступила. Удивительная и позорная, – признался Петрович и замолк. Помолчав какое-то время, как бы очнувшись, продолжил:

– Мы тогда жили уже в другой квартире. Родительскую двухкомнатную с доплатой обменяли на трёхкомнатную в центре. Я тогда ещё не совсем с катушек слетел и мог ещё думать и заботиться о семье. Вот и дачу эту построил, и «Нива» с тех же времён. Но обстановка дома была такая напря-

жённая, что я не мог подолгу находиться вместе с женой. Она вроде бы ничего такого не говорила, но её немой укор просто пронизывал всю нашу квартиру. Стал я частенько прикладываться к стакану, чтобы как-то заглушить это чувство вины перед ними. Чуть ли не каждый день. Однажды позвонил дядя Дима, с которым мы связь после переезда не потеряли, и предложил сходить на охоту. Я к тому времени приобрёл десятизарядную «Сайгу». Не потому, что она мне была нужна, а просто из-за престижности. Оружие мощное, но мы-то не на кабанов охотились. А на этот раз, дядя Дима предложил именно на кабанов и пойти. Согласился сразу. Никаких сил оставаться дома не было. Хоть на Луну, только бы подальше от её молчаливого укора. Уехали на следующий день. Кстати говоря, на этой «Ниве» и поехали. Километров двести отмотали. Приезжаем к знакомому егерю. Прямо в лесу жил. Дом большой. Хозяйство добротное. Устроились. Вечером в баньке попарились. На грудь по обычаю приняли, да спать улеглись. С утра собрались и двинули в лес. Егерь повёл. Кому ещё? Шли примерно около часа. Дошли до кабаньих троп. Тут егерь велел нам разделиться. Меня послал вправо, а дядю Диму влево. Мы и разошлись. Иду я по лесу. На тропу кабанью не выхожу. Учует зверь чужой запах, никогда не придёт. Карабин в руках. Метрах в сорока малинник. Выхожу на полянку перед малинником. Слышу треск. Ломится кто-то через заросли. Остановился и застыл от неожиданности. И вдруг, вместо кабана, из малинника вывалива-

ется медведь. Вывалился и, увидев меня, застыл. Сколько мы так стояли друг напротив друга, я и вспомнить не могу. Кажалось, замерли не только мы с медведем, но и само время. Но медведь вдруг начинает рычать и становится на задние лапы. Становится на задние лапы и начинает, переваливаясь из стороны в сторону, идти ко мне. Дальше, как в тумане. Ощущение того ужаса, который я испытывал в тот момент, не передать никакими словами. Как будто не со мной всё происходило. Вскинул я карабин и ну, палить. Стреляю, а он идёт. Стреляю, а он идёт. Ты представляешь? Я в него палю, а ему хоть бы что. Покачнётся иной раз, да и только. Восемь раз выстрелил, пока не положил его, представляешь? И ведь не дробью какой-то. Карабин. Патроны. А он идёт и идёт. Представляешь? Тут мои товарищи прибегают.

– Что случилось? Почему стрелял? – спрашивают, а я как онемел. Руки дрожат, пот градом, глаза безумные, ничего объяснить не могу. Только тычу карабином в сторону медведя. Увидели, наконец, медведя, и тоже замерли. А егеря, тот и совсем приуныл. Лицензии для охоты на медведя не было, а штраф за убитого зверя такой, что было от чего приуныть. Да и тот факт, что именно он и должен следить за браконьерами и пресекать их незаконную охоту, радости ему не добавлял. Он прекрасно знал, что мало кто поверит в то, что это произошло не по моей вине и не в его присутствии, и обязательно найдутся доброхоты, которые пусть даже и не прямо в глаза, но будут обвинять самого егеря в браконьер-

стве. Поди докажи обратное. А начнёшь что-то доказывать, так и вовсе завязнешь, и вываляешься в грязи недомолвок и намёков. Чем всё это кончится?

– Ну и дела, – воскликнул дядя Дима, снимая накомарник и почёсывая затылок.

– Делать–то что будем? – обратился он с вопросом к егерю.

– Закопаем, – коротко ответил егерь.

– Ну, зачем же так сразу закопаем? – огорчился дядя Дима. – Может освежаем, да хоть шкуру заберём?

– Дядь Дима! – очнулся я. – Я за козла уже один раз ответил. Хочешь, чтобы я ещё и за медведя отвечал?

– Да нет же никого кругом. На сотни километров. Ни души.

– А шкуру ты куда денешь? – спросил у него егерь.

– Как куда? Домой, конечно.

– Вот именно, – отрезал егерь. – Закопаем и никаких разговоров, – подытожил он.

– Здесь ждите. На кордон за лопатой схожу, – закончил егерь и, не дожидаясь ответа, растворился в лесу. Закопали мы медведя, да отправились домой. Какая уж тут охота. Так и вернулись ни с чем. Настроение, сам понимаешь, какое. Поставил я машину, купил водки, да к дяде Диме. Напились мы в тот день до беспамятства. Не помню, как и домой попал. Приполз, в общем, как-то. Уложила меня жена спать. Заснул и снится мне тот же медведь. Идёт ко мне, покачиваясь из

стороны в сторону, и рычит человеческим голосом:

– Ну, что, герой? А на руках слабо? Посмотрим сейчас мужик ты или не мужик! – Рычит и идёт ко мне. Пасть огромная. Слюна стекает из пасти. Лапы ко мне протягивает, а когти сантиметров по десять. Всё ближе и ближе. А я карабин поднял, нажимаю на курок, а выстрела нет. Нажимаю, а он не стреляет. А потом, когда он уже почти вплотную ко мне подошёл, обнаружил, что у меня и ружья–то нет. Заорал я от страха, да и провалился в небытие. Представляешь, во сне сознание потерял. Проснулся, а дома никого. Вонюще, как в общественном туалете. Откуда, думаю, вонь такая? Одеядло с себя скинул и обомлел. Оказывается, я во сне обделался. Хорошо, думаю, что дома никого нет. Встал, постель собрал, сходил в душ и только потом обнаружил на кухонном столе записку от жены. Просто умоляла, так и написала «умоляю тебя», убираться на все четыре стороны. Жить с мужем, который не может прокормить семью, пьянствует, да ещё гадит по ночам, ни одна женщина не будет. С фактами не поспоришь. Собрал манатки, сел в машину, да уехал на дачу. С тех пор и живу здесь, – закончил Петрович.

– А помириться не пытался?

– Да что ты, Витя? До сих пор не могу ей в глаза смотреть. Стыдно. Да и что я им могу дать?

– Как что, Петрович? Ты уж сколько лет не пьёшь?

– Да причём здесь это? Отец должен быть для детей примером во всём. А как я могу быть кому-то примером, если я

с тех самых пор задаю себе вопрос: «Мужик я или нет?», и до сих пор не знаю ответа. Да и что это такое вообще – быть настоящим мужиком? – вздохнув, тихо спросил Петрович и задумался.

* * *

Оформление обложки: фото Luis Flores, сайт: <https://unsplash.com/photos/E1soO-bW>